ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

13
2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 13 (616) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:
Жураев Хуснiддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Вангари Маатаи* (1940–2011), кенийский эколог, активистка природоохранного движения.

Вангари Маатаи родилась в Ньери (Кения) и получила международную известность в ходе кампаний против «антилесных инициатив» правительства Кении в 1980–1990-х годах. Основанное ею движение «Зеленый пояс» сегодня действует на всем Черном континенте, что заметно преобразило его облик. Участвуют в этом движении беднейшие женщины страны, все эти годы организующие общественные лесопосадки. Для Кении важно каждое дерево, причем не только для сохранения экосистемы и рек, но и для обеспечения дровами, поскольку почти 90 % сельского населения используют их для приготовления пищи. Участники движения организуют питомники для выращивания саженцев, которые потом бесплатно раздают всем желающим.

Благодаря деятельности Вангари Маатаи удалось приостановить превращение африканских лесов в пустыню. За 25 лет члены этого общественного движения посадили около 30 миллионов деревьев, пытаясь противостоять вырубкам лесов, которые приобрели в Африке массовый характер и часто сопровождаются трагическими переменами в привычном укладе жизни местного населения, вызванными, в частности, наступлением пустынь из-за уничтожения лесов. Движение Вангари Маатаи изменило экологическую политику на целом континенте. Так, в 1989 году оно вынудило власти Кении отказаться от планов сооружения небоскребов в Ухуру — центральном парке Найроби.

За годы яростной борьбы с губителями родной природы Вангари многократно угрожали смертью, ей довелось побывать в тюрьме, она трижды подвергалась нападениям. Последнее покушение на ее жизнь произошло в 1999 году, когда вместе с соратниками она сажала деревья на территории, вырубленной под застройку. Впрочем, недоброжелателей у нее все-таки было меньше, чем сторонников. Ее организацию знают на всех континентах и активно поддерживают частные фонды из Соединенных Штатов, правительства Австралии и Нидерландов.

Вангари Маатаи получила образование в США и стала первой женщиной в Центральной и Восточной Африке, получившей ученую степень (доктор наук в области ветеринарии), а также первой женщиной, возглавившей факультет университета. Маатаи — первая в истории африканка, удостоенная Нобелевской премии. Впервые на столь же высоком уровне получило признание и само «зеленое движение», уже давно ставшее весьма влиятельной силой в современном мире.

Вангари Маатаи одна вырастила пятерых детей и при этом активно участвовала в политической жизни страны. Еще в 1964 году, основав Национальный совет женщин Кении, активистка долгое время возглавляла его, выступала против прежнего реакционного режима в Кении, привлекая внимание к ситуации в стране на международном уровне. Она активно боролась за установление демократии в своей стране, совмещая работу в области экологии с политикой.

В 2002 году Вангари с подавляющим преимуществом победила на выборах в парламент Кении. На проходивших затем президентских выборах она заявила, что кандидат от оппозиционной партии поддерживает природоохранное движение, чем резко подняла его рейтинг, и заставила президента предпринять конкретные шаги по улучшению экологической обстановки, чтобы не разочаровать выбравшее его население. А в следующем году назначенный президентом Кибаки министр окружающей среды Ньютон Кулунду сделал Вангари Маатаи своим заместителем.

Как отметил Нобелевский комитет, «профессор Маатаи объединила научную работу, социальную борьбу и активную политику в единое целое. Она пример и источник жизненной силы для каждого в Африке, кто борется за устойчивое развитие, демократию и мир». Ее работа — больше чем защита окружающей среды. Такая стратегия должна укрепить само основание экологической политики страны. Методы Маатаи приняты на вооружение рядом стран африканского континента. Фактически она была духовным лидером борьбы за экологические и социальные права людей, живущих между Египтом и ЮАР. В 2004 году Маатаи была удостоена престижной международной экологической премии «за многолетнюю бесстрашную борьбу в защиту окружающей среды, за права человека и социальную справедливость, человеческое достоинство и демократию».

Маатаи была автором нескольких книг и внесла значительный вклад в размышления об экологии, развитии и гендере в соотношении с африканскими культурами и религиями.

В знак признания большого вклада Вангари Маатаи, в 2009 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил ее посланником мира по вопросам окружающей среды и изменения климата. Эту работу она выполняла эффективно и с энтузиазмом до своей смерти 25 сентября 2011 года.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Войтович Е. В.
Особенности заключения брачного договора при приобретении недвижимости в ипотеку ... 139

Галаган Н. А., Соловьева А. Э.
Борьба с незаконной добычей и контрабандой янтаря в Калининградской области ... 141

Ганиев А. А.
Основные процессуальные проблемы производства обыска в уголовном судопроизводстве РФ ... 144

Гудкова Д. Д.
О некоторых вопросах применения цифровых платформ в адвокатской деятельности ... 146

Дёрина Д. М.
Правовые и организационно-методические основы прокурорского надзора за исполнением законов о социальной защите инвалидов в РФ ... 148

Дмитриев М. Е.
Некоторые проблемы оценки доказательств в уголовных делах и их влияние на судебные решения ... 151

Долинина В. К.
Право собственности как проблемный вопрос в земельном праве РФ ... 153

Загитов Д. Г., Бешимбаев Г. М.
Психология терроризма ... 156

Запорощенко С. Л., Кашапова А. Р.
Проблемы признания электронных документов и данных из мессенджеров допустимыми доказательствами в уголовном процессе ... 157

Зинатуллина А. А.
Правовые аспекты наследования долговых обязательств в контексте нотариального делопроизводства ... 159

Йулдошалиева М. Д.
Квалификация и отягчающие обстоятельства при уклонении от уплаты налогов ... 161

Киевская А. С.
Актуальные проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних ... 162

Киль В. А.
Соотношение процессуальных статусов адвоката в уголовном судопроизводстве ... 166

Киргинцева К. В.
Пределы адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве ... 170

Кочаненко Е. П.
Платформенная занятость и юридические службы: вызовы, риски и модели оптимизации ... 172

Красильникова Е. М.
Противодействие незаконному обороту наркотических средств: новые угрозы и способы уголовно-правовой защиты ... 179

Крендясева А. С.
История развития правового регулирования договора подряда в России ... 181

Крендясева А. С.
Особенности и ключевые элементы договора строительного подряда ... 183

Ламерт Н. С.
Проблемные вопросы избрания меры пресечения заключение под стражу ... 186

Мелякова П. Э.
Уголовная ответственность за легализацию криптографической валюты ... 188

Мелякова П. Э.
Особенности квалификации преступлений, предметом которых выступает криптографическая валюта ... 190

Назарова А. А.
Освидетельствование в уголовном процессе: основания производства и участники следственного действия ... 192

Оскилко Ю. В.
Развратные действия в отношении несовершеннолетних, совершенные посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: состояние преступности и профилактика ... 195

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности заключения брачного договора при приобретении недвижимости в ипотеку

Войтович Елизавета Валентиновна, студент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена исследованию особенностей заключения брачного договора супругами, приобретающими недвижимость в ипотеку. Рассматриваются правовые нормы российского семейного и гражданского законодательства, регулирующие порядок оформления ипотеки и распределение имущественных обязательств супругов. Анализируются условия брачного договора, касающиеся распределения долей собственности, ответственности за погашение кредита и рисков неисполнения обязательств.

Ключевые слова: *брачный договор, семейные отношения, ипотека, раздел имущества*

Features of concluding a prenuptial agreement when purchasing real estate with a mortgage

Voytovich Yelizaveta Valentinovna, student
St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of the features of the conclusion of a marriage contract by spouses who purchase real estate with a mortgage. The legal norms of the Russian family and civil legislation regulating the procedure for registration of mortgages and the distribution of property obligations of spouses are considered. The conditions of the prenuptial agreement concerning the distribution of ownership shares, responsibility for repayment of the loan and risks of default are analyzed.

Keywords: *marriage contract, family relations, mortgage, division of property*

С принятием в 1995 году Семейного кодекса Российской Федерации брачный договор стал новым правовым институтом в нашей стране. Сегодня указанный правовой институт приобретает новые черты и особенности, что связано с рядом причин, важнейшей из которых является рост числа молодых семей, покупающих жильё в ипотеку сразу после заключения брака.

С позиций перспектив развития семьи как ключевого социального института особенно значимой представляется молодая семья, отражающая в своей структуре социальные, экономические и демографические трансформации современного общества.

Ключевым фактором становления и устойчивого развития молодой семьи выступает её обособленное проживание, следовательно, обеспечение жильём и материальной поддержкой становится приоритетом государственной семейной политики. Однако большинство молодых семей в текущих экономических реалиях неспособны самостоятельно обеспечить себя жильём, вследствие чего остро ощущается необходимость активной государственной поддержки в решении жилищного вопроса.

Ипотечный кредит — это долгосрочный кредит, который предоставляется банком или иной финансовой организацией для покупки недвижимости. В течение данных долгосрочных кредитных обязательств молодая пара может принять решение о расторжении брака. На данный момент число разводов в России сохраняется на очень высоком уровне в силу происходящих в российском обществе существенных изменений, связанных с распадом семейных традиций, значительным снижением семейного статуса, высокой мобильностью населения и других причин.

Развод в ситуации наличия непогашенного ипотечного кредита создает ряд сложностей, особенно касательно разделения жилья и расчетов по ипотеке. На данный момент ни правовые теории, ни судебная практика не выработали единого подхода к разрешению этих проблем.

Недостаток знаний о законодательстве и правовых нюансах, связанных с ипотекой, часто приводит к проблемам у супругов в случае развода. Многие из них не знают, как

правильно поступить с квартирой, которая находится под ипотечным обременением. В результате, один из супругов, а иногда и оба, не выполняют свои обязательства по погашению ипотечного кредита. Это, в свою очередь, может закончиться обращением ипотечного имущества в судебном порядке. Чтобы избежать сложных и продолжительных судебных тяжб по разделу имущества, особенно если оно заложено в ипотеку, рекомендуется заключить брачный договор. Он позволит урегулировать все вопросы заранее.

Практика заключения брачных контрактов в Российской Федерации на этапе формирования брачных отношений остается невеликой. Существенным барьером для их распространения выступают укоренившиеся психологические установки: существует мнение, что подобный механизм регулирования имущественных прав свидетельствует об отсутствии взаимного доверия, ведет к дисбалансу прав сторон и не имеет практической целесообразности.

В случае, если квартира взята в ипотеку, а брачного договора нет, супруги сохраняют равные права собственности на жилье на протяжении всего срока действия кредитного договора. Это затрудняет раздел имущества. Сделки с квартирой разрешены только после полного погашения задолженности перед банком. Погашение долга, то есть оставшейся части кредита, согласно Семейному кодексу Российской Федерации распределяется между супругами пропорционально доле имущества, полученного ими после развода [1, ст. 39].

Юридически, заключение брачного договора является правом граждан, а не обязанностью. Тем не менее, его практическая значимость неоспорима, особенно в контексте регулирования раздела ипотечных обязательств при расторжении брака. Финансовые учреждения, выступающие в роли кредиторов, положительно относятся к наличию брачного договора, а в некоторых случаях его заключение является условием предоставления кредита. Российское законодательство в сфере брачных контрактов базируется на европейских принципах, при этом Семейный кодекс Российской Федерации содержит императивную норму, запрещающую любые положения, ограничивающие конституционные права и свободы супругов.

Брачный договор предоставляет эффективный инструмент для предотвращения многочисленных споров и разногласий, возникающих в процессе раздела совместно нажитого имущества, включая объекты, обремененные ипотечным кредитованием. Кроме того, наличие брачного договора исключает возможность возникновения разногласий относительно погашения ипотечных обязательств.

При оформлении ипотечного кредита брачный договор может регулировать следующие аспекты: распределение первоначального взноса и ежемесячных платежей (как в браке, так и при разводе), определение конечного собственника жилья (единолично или в долях), порядок компенсации ипотечных выплат при разводе, а также изменения этих условий в связи с появлением детей [2, с. 80]. Закон допускает заключение брачного договора, касающегося исключительно ипотеки, но при этом не ограничивая права и свободы супругов.

Законодательное закрепление обязательности заключения брачного договора в российской правовой системе представляется нецелесообразным. Тем не менее, необходимо разработать меры, стимулирующие его востребованность. Одним из таких механизмов может стать обязательное консультирование лиц, намеревающихся вступить в брак. В ходе консультаций специалисты должны информировать граждан о роли брачного договора как инструмента урегулирования имущественных отношений между супругами, включая вопросы приобретения жилья в ипотеку и порядок раздела имущества при расторжении брака. По-моему мнению, данная мера приведет к увеличению числа заключаемых брачных договоров, что, в свою очередь, будет способствовать существенному сокращению судебных споров в данной сфере. В долгосрочной перспективе это окажет положительное влияние на укрепление института брака, повышение правовой защищенности граждан и снижение уровня разводов. Брачный договор является эффективным правовым инструментом, одной из функций которого является защита имущественных прав супругов, в том числе при наличии жилищной ипотеки.

Несмотря на то, что институт брачного договора не является чуждым для российского правового поля, его применение в настоящее время остается ограниченным. Тем не менее, существует обоснованное предположение о том, что в перспективе заключение брачных контрактов может трансформироваться в общепринятую практику при регистрации брака. Эта тенденция обусловлена динамичностью современных жизненных реалий, эволюцией отечественного законодательства и интеграцией международных правовых стандартов в сфере семейных отношений.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Звенигородская Н. Ф. Договорное регулирование имущественных отношений в семье: Учеб. пособие. — М.: Приор-издат, 2006. — 80 с.
3. Ибрагимова Г. Ш. Брачный договор: проблемы правового регулирования // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2017. — С. 95–97.
4. Ульшина Т. В. Раздел кредитов между супругами при разводе // Мировая наука. 2018. № 5 (14). — С. 507–51
5. Чефранова Е. А. Имущественные отношения супругов. — М.: Эксмо, 2008. — 168 с.

Борьба с незаконной добычей и контрабандой янтаря в Калининградской области

Галаган Надежда Александровна, студент;
Соловьева Анастасия Эдуардовна, студент
Научный руководитель: Подгорный Николай Алексеевич, старший преподаватель
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В работе рассмотрены особенности ответственности за незаконную добычу и контрабанду янтаря в Восточной Пруссии и в Калининградской области и выработаны практические меры по предотвращению таких незаконных действий.

Ключевые слова: *незаконная добыча и контрабанда янтаря, борьба, ответственность, защита, контроль и учет, маркировка янтаря и изделий.*

Fighting illegal mining and contraband of amber in the Kaliningrad region

Galagan Nadezhda Aleksandrovna, student;
Solovyeva Anastasia Eduardovna, student
Scientific advisor: Podgorny Nikolay Alekseevich, senior lecturer
Kaliningrad branch of the Moscow Finance and Law University

The paper examines the features of liability for illegal extraction and smuggling of amber in East Prussia and the Kaliningrad Region, and develops practical measures to prevent such illegal actions.

Keywords: *illegal extraction and smuggling of amber, struggle, responsibility, protection, control and accounting, labeling of amber and amber products.*

В Калининградской области сосредоточено 90 % мировых запасов янтаря, добычей которого занимается Калининградский янтарный комбинат, который по итогам 2023 года добыл 630 тонн янтаря-сырца. В 2024 году объём добычи составил 627 тонн, а в 2025 году из недр извлекли 712 тонн янтаря. Это максимальный показатель в полувековой истории.

Кроме официальной разработки янтаря, процветает и незаконная его добыча, и контрабанда, ставшая ежегодным явлением.

В исторических источниках есть свидетельства о случаях незаконного сбора и контрабанды янтаря в Восточной Пруссии, особенно в периоды жёсткого контроля над его добычей и торговлей. Контрабанда янтаря в Восточной Пруссии была распространённым явлением на протяжении многих веков, несмотря на жёсткие меры контроля и наказания. Это связано с высокой ценностью камня и экономическими интересами местных жите•лей.

В Восточной Пруссии, частью которой является Калининградская область, янтарь считался исключительной собственностью правителя, и наказания за его хищение или контрабанду были одними из самых суровых в Европе. За незаконный сбор или продажу камня предусматривались суровые наказания, вплоть до смертной казни. Любой, кто хранил необработанный янтарь или пытался его вывезти, карался смертью через повешение. Поэтому вдоль побережья стояли виселицы для устрашения «воров» [5, с. 3].

Несмотря на жёсткие меры, незаконная добыча и контрабанда продолжались. В дальнейшем, смертную казнь постепенно заменили каторжными работами в крепостях.

Все жители янтарного побережья обязаны были приносить присягу, подтверждая, что не будут красть камень.

С началом промышленной добычи и появлением промышленной монополии (конец XIX в.) борьба с контрабандой перешла в юридическую плоскость. Вместо смертной казни стали применятся крупные штрафы и тюремные сроки, а акцент сместился на контроль за работниками карьеров. Был введен запрет на торговлю сырцом вне государственной монополии, что жестко преследовалась полицией.

В XIX веке контроль над янтарём оставался строгим. В 1824 году Прусское государственное министерство законодательно регламентировало все формы добычи и сбора янтаря. Нарушителям грозили штрафы и тюремное заключение. Однако незаконная добыча и контрабанда продолжались.

Сравнительная таблица ответственности

Критерий	Восточная Пруссия (до XIX в.)	Калининградская область (2024–2026 гг.)
Статус ресурса	Регалия (личная собственность монарха)	Стратегически важное ресурсное сырье
Высшая мера	Смертная казнь (повешение)	Лишение свободы до 7–12 лет (в составе ОПГ)
Основное наказание	Каторжные работы, конфискация имущества	Штрафы до 1–5 млн руб., тюремный срок
Метод контроля	Виселицы на берегу, обыски домов	Дроны, ГИС ДМДК (маркировка), рентген-сканеры
Экономика	Полная монополия короны	Биржевые торги, квоты для ювелиров

В настоящее время контрабанда янтаря не исчезала. Так, в 2023 году в Калининградской области правоохранительными органами были пресечены попытки незаконного вывоза более 286 кг янтаря на автомобиле в Литву на сумму 2,9 млн. рублей и перемещение 251 кг янтаря также в Литву с помощью беспилотника через реку Неман на сумму свыше 7,2 млн. рублей. За данные преступления участников привлечены по ч. 3 ст. 226.1 УК РФ («Контрабанда стратегически важных ресурсов в крупном размере, совершённая организованной группой») к уголовной ответственности.

По нашим подсчетам в 2023 году контрабанда янтаря составили более 1,1 тонны на сумму более 10,1 млн. руб., а в 2024 году составила уже более 18,2 тонн на сумму более 92 млн. руб. В 2025 году контрабанда янтаря составила 14 тонн на сумму более 780 млн. руб. С учетом различных данных, таможенные органы считают среднегодовой размер контрабанды янтаря около 60 тонн стоимостью более 1,2 млрд. рублей.

Контрабанда янтаря в Калининградской области может происходить с использованием технических средств и организованной деятельности. Отличительными особенностями современного наказания является:

— Гуманизация, выражающаяся в назначении штрафов, кратно превышающие выгоду. Например, за незаконную добычу штраф до 500 тыс. рублей (ст. 7.5 КоАП РФ).

— Экологический акцент, так в Пруссии наказывали за «кражу у короля», а сегодня за порчу земель и вреде экологии, чего не было в средневековом праве.

— Масштабность, при современной контрабанде (ст. 226.1 УК РФ) следует наказание только за «крупный размер» (свыше 1 млн руб.), а мелкие объемы попадают под административную ответственность, а в Пруссии за любой найденный кусок камня могли отправить на виселицу.

Для сокращения незаконной добычи и контрабанды янтаря в Калининградской области необходим комплекс мер, направленных на ужесточение контроля за оборотом сырца, усиление защиты месторождений и легализацию добычи. Ключевыми мерами являются:

1) Борьба с незаконной добычей на суше;
2) Борьба с незаконной добычей на море;
3) Совершенствование защиты янтарного комбината;
4) Строгий таможенный контроль;
5) Другие направления сокращения незаконной добычи и контрабанды янтаря [4, с. 4].

Рассмотрим такие меры подробнее.

1. Борьба с незаконной добычей янтаря на суше.

Борьба с незаконными карьерами по добыче янтаря необходима также и для предотвращения экологического ущерба из-за уничтожения плодородного слоя почвы. Поэтому, требуется привлечение органов лесного надзора и Ростехнадзора. Совместная деятельность с МВД данных органов способствует не только предотвращению незаконной добыче янтаря, но и соблюдению правил недропользования, что предотвращает порчу почвы из-за эрозии, оползней и обвалов, уничтожение лесного фонда в следствии незаконной вырубки деревьев и разрушения их корневой системы. По оценкам экспертов, ежегодно незаконно добывают до 60 тонн янтаря.

К нарушителям применяются штрафы и иска о рекультивации земель. Для выявления нарушений применяются современные методы мониторинга в виде регулярного патрулирование труднодоступных мест беспилотными средствами и снимками со спутников, анализ которых выявляет места незаконной выработки янтаря.

К нарушителям применяются меры ответственности административной по ст. 7.5 КоАП РФ за незаконную добычу янтаря, по ст. 8.6 КоАП РФ за уничтожение плодородного слоя почвы. В случаях масштабного хищения и действия преступной группой применяются меры уголовной ответственности по ст. 191 УК РФ за незаконный оборот янтаря, по ст. 226.1 УК РФ перемещение янтаря через границу, по ст. 246 УК РФ за нарушение правил охраны окружающей среды, по ст. 210 УК РФ за организация преступного сообщества по организации сети хищения янтаря.

2. Борьба с незаконной добычей на море.

Кроме добычи янтаря в незаконных карьерах, в последнее время увеличилась незаконная добыча янтаря со дна Балтийского моря дайверами или «морскими копателями», которые активизировалась в 2010-х годах после ужесточения контроля за наземной добычей минерала. Добыча янтаря со дна моря происходить организованно с использованием технических средств. Для извлечения янтаря дайверы использовали лодки и специальное оборудование: мотопомпы и водометные насадки, с помощью которых размывали грунт на глубине 12–14 метров, после чего извлекали янтарь. Дайвинг за янтарем является высоко рискованным занятием, поскольку ныряльщики могут погибнуть из-за обрушения грунта, отказа оборудования или других непредвиденным обстоятельствам.

По оценкам экспертов, ежегодно чёрные дайверы добывают до 60 тонн янтаря. Борьба с этим видом промысла ведется правоохранителями на постоянной основе, составляются административные протоколы по ст. 7.5 КоАП РФ. К нарушителям применяются и меры уголовной ответственности по ст. 191 УК РФ за незаконный оборот янтаря в больших размерах.

3. Совершенствование защиты янтарного комбината.

К основным мерам по борьбе с хищениями янтаря можно отнести усиление защиты мест добычи путем патрулирования месторождений правоохранительными органами для предотвращения незаконной добычи и введение контроля оборота сырца путем внедрение обязательной сертификации и маркировки. Предлагается ввести обязательное государственное пробирное клеймо для ювелирных изделий с янтарем, что поможет отличить легальную продукцию от контрафактной янтарной продукции, чем затруднит сбыт незаконно добытого камня, особенно на экспорт.

Одним из путей защиты янтарного производства от хищений янтаря является дальнейшее развитие его легальной переработки. Для этого создаются янтарным комбинатом и представителями переработчиков необходимые условия, включая обеспечение сырьем через аукционы, и заключение договора на 2 года о предоставлении им янтарного сырья для снижения экономическую привлекательность контрабанды, исключая этим теневые схемы распределения. Янтарный комбинат планирует увеличить поставки сырья местным производителям в 2 раза до 55 тонн в год [6, с. 4]. Это позволит снизить дефицит сырья, который провоцирует нелегальные закупки.

4. Строгий таможенный контроль.

Административные меры борьбы с незаконной добычей янтаря не дают должного положительного эффекта, поэтому для предотвращения незаконного вывоза сырья необходимо дальнейшее кратное ужесточение административной ответственности за контрабанду янтаря. Действующая ст. 7.5 КоАП РФ предусматривает меры ответственности за незаконную добычу янтаря в виде штрафа до 500 тыс. руб. для граждан и до 60 млн. руб. для юридических лиц [2, ст. 7.5], при условии, что сумма контрабанды не достигла «крупного размера», равного 1 млн. руб. при котором наступает уголовная ответственность.

Также важную роль играют мероприятия по усилению таможенного контроля, посредством ужесточения проверок на всех пограничных пунктах. За нарушение таможенных правил предусмотрена административная ответственность по ст. 16.2 КоАП РФ в виде штрафа в размере до 2-кратной стоимости конфискованного товара. При этом применяются и меры пресечения в виде конфискации орудий и предметов незаконных действий.

Эксперты и законодатели считают, что для повышения эффективности борьбы с нелегальным рынком янтаря необходимо:

— Введение оборотного штрафа, который применяется к предприятиям, скупающих нелегальный янтарь-сырец, рассчитанный как процент от годовой выручки, что делает такую переработку экономически нецелесообразной;

— Обязательная конфискация транспортных средств (автомобилей и спецтехники), даже при их принадлежности третьим лицам и безальтернативной при повторном нарушении;

— Установление пожизненного запрета на лицензию по работе с янтарем для предпринимателей, замеченных в административных «янтарных» правонарушениях, а также запрещение любой деятельности, связанную с недропользованием и ювелирным делом;

— Введение штрафов для арендодателей помещений и владельцев складов, которые являются пособниками в хранении нелегального янтаря.

5. Другие направления сокращения незаконной добычи и контрабанды янтаря:

А) Усиление уголовной ответственности как мера борьбы с незаконной добычей и контрабандой янтаря. Уголовная ответственность за данные деяния представляет юридическую конструкцию, направленная на подрыв экономических основ нелегального бизнеса, предусматривается в статьях УК РФ:

— Ст. 191 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот (хранение, перевозку или продажу) янтаря-сырца в крупном размере в виде лишения свободы до 5 лет;

— Ст. 226.1 УК РФ предусматривает ответственность за перемещение янтаря через границу в виде лишения свободы до 7 лет, а в составе организованной группы — до 12 лет.

— Ст. 210 УК РФ предусматривает ответственность за организацию преступного сообщества в виде создания нелегальной сети по незаконному обороту янтаря до 20 лет [1, ст. 210].

Б) Внедрение Государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них (ГИИС ДМДК) было осуществлено в России с 2021 года в соответствии с Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2021 г. № 270 [3, ст. 5]. Её целью является обеспечение прослеживаемости драгоценных камней и металлов на всех этапах оборота: от добычи до реализации. Эта система могла стать инструментом в борьбе с контрабандой, но её эффективность имеет ряд ограничений, так как она распространяется только на драгоценные камни и металлы, а янтарь является полудрагоценным камнем и не подходит под действие данной системы контроля и только лишь янтарные изделия с золотом или платиной попадают под ее действие.

Калининградский янтарный комбинат Госкорпорации Ростех запустил эксперимент по маркировке янтаря и изделий из него в ноябре 2023 г., который продолжался до ноября 2024 г. Он представлял собой разработку и запуск специальной информационной системы, позволяющей прослеживать весь путь янтаря — сукцинита — от момента его добычи до доведения конечному потребителю, посредством маркировки янтаря, что позволяет эффективно бороться с его «чёрной» добычей.

По результатам эксперимента было принято решение о внедрении пилотного проекта по маркировке всего добываемого янтаря с ноября 2025 г. Эта мера призвана легализовать рынок, где, доля незаконного оборота достигает 30 %. Помимо значительных объемов нелегально добытого сырья, серьезной проблемой рынка являются янтарные подделки, которые составляет от 20 % до двух третей всех готовых янтарных изделий. Основная цель проекта — «обелить» рынок янтаря, как это уже сделано со многими другими товарными категориями в России. По проекту создается система, которая будет отслеживать весь путь янтаря — от его добычи до доведения конечному потребителя, что исключит возможность подмены продукции и обеспечит контроль со стороны таможенных органов.

Практика применения ГИИС ДМДК в 2025–2026 годах показывает усиление контроля над янтарной отраслью,

а внедрение проекта по маркировке всего добываемого янтаря, превращает систему из инструмента учета в механизм активного пресечения незаконной добычи и контрабанды янтаря и изделий из него.

В) Автоматизация таможенного контроля, позволяющая усилить его строгость. Если раньше таможенник на границе должен был на глаз определять, является ли янтарные бусы «товаром для личного пользования» или коммерческой партией, то с ноября 2025 г. интеграция ГИИС ДМДК с Единой автоматизированной информационной системой (ЕАИС) таможенных органов стала обязательной. Это делает физически невозможным экспорт партий янтаря без подтвержденного в системе легального происхождения. Как результат — в 2026 году легальный вывоз партий изделий упростился благодаря цифровому следу в системе, позволяющему подтвердить, что товар произведен законно и налоги уплачены и любой янтарь без УИН (уникального номера) автоматически считается незаконно добытым.

Маркировка превращает янтарь из «валюты для криминала» в прозрачный финансовый актив региона. С 1 января 2026 года система вводит механизмы, фактически блокирующие оборот камней и металлов, которые не имеют цифрового следа от добывающей компании [7, с. 6].

Однако, главная проблема состоит не в мягкости штрафов, а в трудности доказывания факта добычи или перемещения. Ужесточение в 2026 году идет по пути презумпции незаконности любого камня без цифрового паспорта.

Г) Основные направлений развития законодательства, касающегося янтаря:

— Регулирование оборота янтаря посредством детализации процесса лицензирование деятельности и требований к документации и отчетности по ней;

— Усиление контроля за использованием информационных систем для отслеживания оборота янтаря, регулируемое новыми правилами внесения данных и порядка применения ответственности за их фальсификацию;

— Учет экологических последствия добычи янтаря, путем конкретного определения мер защиты окружающей среды и установления ответственность за нанесение ущерба;

— Вопросы конфискации могут быть предусмотрены законодательными нормы, предусматривающими конфискации незаконно добытого или перемещаемого янтаря, а также имущества, связанного с такой деятельностью, нажитого преступным путем.

Делая вывод, можно отметить, что реализация всех перечисленных шагов требует координации деятельности между Янтарным комбинатом, правоохранительными органами и таможенной службой. Реализация рассмотренных мер борьбы с незаконной добычей и контрабандой янтаря в Калининградской области будет способствовать значительному сокращению нелегального оборота янтаря.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025). // Собрание законодательства РФ от 17.06.1996. № 25 ст. 2954.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 23.11.2024). // Собрании законодательства РФ от 7.01.2002. № 1 ст. 1.
3. Постановление Правительства РФ от 26.02.2021 г. № 270 «О некоторых вопросах контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота и внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ» (с изм. от 21.10.2025) // Собрание законодательства РФ, № 10 от 08.03.2021, ст.1608.
4. Бутырина Е. Российский бренд на Балтике: как изменилась «янтарная» история РФ за последние годы // «ФедералПресс» 25.01.2024. https://fedpress.ru/article/3294580.
5. Выводцев А. М. Янтарный промысел в Пруссии: Донесение консула в Кенигсберге // Сборник консульских донесений. — СПб., 1899. — С. 62–68.
6. Зацепин М. И. Янтарный комбинат и отраслевой кластер обсудили детали сотрудничества // Янтарный край. 21.01.2026. https://ambercombine.ru/press-center/news/yantarnyj-kombinat-i-otraslevoj-klaster-obsudili-detali sotrudnichestva?ysclid=mmwjydnp1z221416270
7. Макарова Т. Мастер в шоке Янтарщикам пообещали маркировку со всеми вытекающими. Международный AmberForum — 2023 // «АиФ-Калининград». 26.06.2023 https://klg.aif.ru/

Основные процессуальные проблемы производства обыска в уголовном судопроизводстве РФ

Ганиев Асим Азер оглы, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье анализируются актуальные процессуальные проблемы, возникающие при производстве обыска как одного из наиболее ограничительных следственных действий. Рассматриваются вопросы обоснованности проведения обыска в слу-

чаях, не терпящих отлагательства, проблемы обеспечения права на защиту и участия понятых. Особое внимание уделено специфике изъятия электронных носителей информации. На основе анализа судебной практики и положений УПК РФ предлагаются пути совершенствования законодательства для минимизации нарушений конституционных прав граждан.

Ключевые слова: *обыск, следственные действия, уголовный процесс, права личности, судебный контроль, электронные носители информации, адвокат, понятые.*

Main procedural problems of search in criminal proceedings of the Russian Federation

Ganiyev Asim Azer ogly, master's student
Kazan (Volga region) Federal University

The article analyzes current procedural problems arising during a search as one of the most restrictive investigative actions. The examines the issues of the validity of conducting a search in urgent cases, the problems of ensuring the right to defense and the participation of attesting witnesses. Special attention is paid to the specifics of the seizure of electronic media. Based on the analysis of judicial practice and the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, ways to improve the legislation are proposed to minimize violations of the constitutional rights of citizens.

Keywords: *search, investigative actions, criminal proceedings, human rights, judicial control, electronic media, lawyer, attesting witnesses.*

Актуальность темы: Обыск является одним из самых эффективных, но в то же время наиболее интрузивных следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права граждан на неприкосновенность жилища и частной жизни [1]. В условиях цифровизации уголовного судопроизводства и усиления правозащитных стандартов процессуальный порядок производства обыска требует детального переосмысления. Многочисленные нарушения, выявляемые в ходе судебного контроля, свидетельствуют о наличии пробелов в правовом регулировании, что делает данную тему крайне значимой для современной юридической науки.

Обыск, в отличие от многих других следственных действий, характеризуется высокой степенью принуждения. Согласно ст. 182 УПК РФ, основанием для его производства является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для дела [2]. Однако на практике формулировка «достаточные данные» носит оценочный характер, что нередко ведет к злоупотреблениям. Одной из центральных проблем является реализация положений ч. 5 ст. 165 УПК РФ, позволяющей производить обыск в жилище без судебного решения в случаях, «не терпящих отлагательства». Судебная статистика показывает, что следователи зачастую используют данную норму как упрощенный обход судебного контроля, не имея на то реальных оснований экстренности [5]. Суды, проверяя законность таких обысков постфактум, не всегда детально вникают в обоснованность «отлагательства», ограничиваясь формальным подтверждением уведомления. Второй серьезной проблемой остается обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи. Несмотря на правовые позиции Конституционного Суда РФ, на практике адвокаты часто не допускаются к месту производства обыска, если они прибыли после его начала [3]. Следственные органы мотивируют это отсутствием в законе прямой обязанности прерывать действие или ждать защитника. Такое ограничение фактически лишает обыскиваемое лицо возможности реализовать свое конституционное право на защиту в момент наиболее острого конфликта с государством. Третья проблема связана с институтом понятых. Переход к возможности использования технических средств фиксации вместо участия понятых (ст. 170 УПК РФ) порождает дискуссии о достоверности результатов обыска. В случаях, когда технические средства не применяются, участие понятых зачастую носит формальный характер — нередко привлекаются лица, находящиеся в определенной зависимости от органов следствия, что ставит под сомнение объективность протокола [4]. Особую сложность в современных условиях представляет изъятие электронных носителей информации. Статья 164.1 УПК РФ устанавливает специальный порядок, требующий участия специалиста и запрещающий копирование информации, если это может привести к её утрате. Однако неопределенность термина «копирование в присутствии владельца» и сложность разграничения информации, относящейся к делу и составляющей личную тайну, приводят к массовому изъятию техники (серверов, телефонов), что парализует деятельность предприятий и нарушает права третьих лиц [6].

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод, что существующая процедура производства обыска в уголовном судопроизводстве РФ, несмотря на детальную регламентацию в УПК РФ, сохраняет ряд серьезных процессуальных изъянов. Анализ правоприменительной практики и законодательства позволил выделить ключевые направления, требующие реформирования.

Во-первых, необходимо исключить расширительное толкование понятия «случаи, не терпящие отлагательства». Представляется целесообразным закрепить в законе конкретный (исчерпывающий) перечень обстоятельств,

позволяющих проводить обыск в жилище без судебного решения, а также ужесточить стандарты последующего судебного контроля за законностью таких действий.

Во-вторых, требует безусловного законодательного закрепления право адвоката на допуск к месту производства обыска с момента его фактической явки. Отсутствие в законе прямой обязанности следователя обеспечить доступ защитника на любой стадии обыска создает условия для нарушения права на квалифицированную юридическую помощь и ставит под сомнение легитимность полученных доказательств.

В-третьих, цифровизация уголовного процесса диктует необходимость пересмотра правил изъятия электронных носителей информации. Приоритетом должно стать копирование значимой информации, а не физическое изъятие дорогостоящего оборудования, что позволит минимизировать неоправданный ущерб правам граждан и законным интересам предпринимателей.

Таким образом, совершенствование института обыска должно идти по пути усиления гарантий прав личности и повышения ответственности должностных лиц за нарушение процессуальной формы. Только достижение реального баланса между эффективностью предварительного расследования и незыблемостью конституционных прав граждан позволит обеспечить высокие стандарты правосудия в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.03.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».
4. Безруков, С. С. Уголовный процесс: учебник / С. С. Безруков. — 4-е изд. — Москва: Юстиция, 2023. — 456 с.
5. Россинская, Е. Р. Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве обыска / Е. Р. Россинская // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 5. — С. 85–92.
6. Шейфер, С. А. Следственные действия. Основания и процессуальный порядок их производства / С. А. Шейфер. — Москва: Норма, 2021. — 208 с.

О некоторых вопросах применения цифровых платформ в адвокатской деятельности

Гудкова Диана Дмитриевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Цифровая трансформация российской правовой системы, начавшаяся в последние десятилетия, затронула все сферы юридической деятельности, включая адвокатуру. По данным исследований, проведенных в 2024 году, более 78 % российских адвокатов используют в своей практике различные цифровые инструменты — от электронной почты до специализированных правовых платформ [5]. Однако степень интеграции цифровых технологий в адвокатскую деятельность существенно варьируется в зависимости от региона, специализации и размера адвокатских образований.

Современные цифровые платформы предлагают адвокатам широкий спектр возможностей: автоматизацию документооборота и управления делами, доступ к правовым базам данных и аналитическим системам, организацию посредством дистанционного взаимодействия с доверителями, инструменты для отслеживания судебных дел, системы электронной подачи документов в арбитражные суды, суды общей юрисдикции и государственные органы, платформы для онлайн-консультирования и проведения юридических консультаций.

Особую роль цифровизация адвокатской деятельности приобрела в период пандемии COVID-19, когда актуальность дистанционной работы стала необходимостью. Согласно исследованию Высшей школы экономики, в 2023 году количество адвокатов, регулярно использующих видеоконференцсвязь для общения с доверителями, выросло на 340 % по сравнению с 2019 годом [3].

Вместе с тем цифровизация адвокатской практики сопровождается рядом серьезных вызовов. Прежде всего, это обеспечение конфиденциальности и защиты адвокатской тайны в условиях использования цифровых каналов коммуникации. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает строгие требования к сохранению адвокатской

тайны, которые должны соблюдаться независимо от формата взаимодействия с доверителем [6].

Правовой фундамент применения цифровых платформ в адвокатской деятельности формируется на основе различных отраслевых нормативных актов, регулирующих использование информационных технологий в правовой сфере. Базовые принципы закреплены в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексе профессиональной этики адвоката, а также в отраслевых нормативных актах, регулирующих использование информационных технологий в правовой сфере, в частности такого как Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6, 8].

Особого внимания заслуживает проблема обеспечения адвокатской тайны при использовании цифровых платформ. В современном мире адвокат может столкнуться с рядом проблем, вызванных несовершенством правового регулирования в сфере оказания квалифицированной юридической помощи в условиях сохранения адвокатской тайны. Первостепенно использование цифровых платформ для взаимодействия адвоката с доверителем несет в себе не малые риски, связанные с получением несанкционированного доступа третьими лицами к конфиденциальным данным клиента. Например, при использовании мессенджеров или электронной почты, даже с применением сквозного шифрования, существует вероятность перехвата информации посторонними и использовании против интересов доверителя. Кроме того, не всегда электронное хранилище может обезопасить полную защищенность серверов, на которых хранятся данные, что также ставит под угрозу сохранность адвокатской тайны. Исходя из этого адвокатам необходимо тщательно относиться к выбору средств взаимодействия с клиентом и хранения информации, а также регулярно обновлять свои знания о современных методах обеспечения конфиденциальности для минимизации рисков нарушения адвокатской тайны.

Исследователи отмечают необходимость применения криптографических методов защиты информации, использования сертифицированных средств связи и регулярного аудита информационной безопасности [1]. Адвокаты обязаны предпринимать разумные меры для защиты конфиденциальной информации, что в цифровой среде включает: использование защищенных каналов связи с шифрованием, применение систем аутентификации и контроля доступа, регулярное обновление программного обеспечения, создание резервных копий данных с соблюдением требований конфиденциальности.

Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает, что адвокат несет ответственность за сохранение адвокатской тайны независимо от способа хранения и передачи информации. Это означает, что выбор цифровой платформы должен основываться не только на удобстве и функциональности, но и на уровне обеспечиваемой ею защиты данных.

Цифровые платформы становятся неотъемлемой частью современной адвокатской практики, открывая новые возможности для повышения эффективности работы, расширения доступа к юридической помощи и улучшения взаимодействия с доверителями. Вместе с тем цифровизация адвокатской деятельности ставит перед профессиональным сообществом серьезные вызовы, связанные с обеспечением конфиденциальности, сохранением адвокатской тайны, поддержанием высоких профессиональных стандартов.

Проведенный анализ показывает, что успешная интеграция цифровых технологий в адвокатскую практику требует комплексного подхода, включающего совершенствование правового регулирования, развитие технологической инфраструктуры, повышение цифровой грамотности адвокатов и формирование этических стандартов использования новых инструментов. Особое внимание должно уделяться вопросам информационной безопасности и защиты персональных данных доверителей.

Литература:

1. Магдеева Д. Р. Адвокатская тайна в цифровую эпоху: вызовы и способы защиты // Вестник Пензенского государственного университета. 2025. С. 24–25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-tayna-v-tsifrovuyu-epohu-vyzovy-i-sposoby-zaschity/viewer(дата обращения: 11.03.2026).
2. Заблоцкис А., Писемский А. Способы защиты адвокатской тайны в эпоху цифровизации // Адвокатская газета. 2021. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravila-tsifrovoy-bezopasnosti/?ysclid=mmrcf3r5wx212212823 (дата обращения: 10.03.2026).
3. Коган М. И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020;(11):218–223. https://doi.org/10.17803/2311–5998.2020.75.11.218–223. (дата обращения: 14.03.2026).
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации за 2024 год. М.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2024. 156 с.
5. Фадеев А. В., Воронина П. А. Цифровизация адвокатской деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023.№ 11–4. С. 86. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-advokatskoy-deyatelnosti?ysclid=mmpzk7mlml826959497 (дата обращения: 14.03.2026).
6. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.(дата обращения: 14.03.2026)

7. Методические рекомендации по применению электронных средств коммуникации в адвокатской деятельности / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. М., 2024. 84 с.
8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. (дата обращения: 14.03.2026)
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. (дата обращения: 14.03.2026)

Правовые и организационно-методические основы прокурорского надзора за исполнением законов о социальной защите инвалидов в РФ

Дёрина Диана Максимовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящее время в правовой науке ведется активная дискуссия по вопросу защиты социальных прав инвалидов в Российской Федерации. Ключевой проблемой, обозначенной в представленном труде, выступает проблема реализации конституционных прав инвалидов, разрешение которой возлагается на органы прокуратуры. Автор в представленной работе предлагает рекомендации организационно-методического характера, которые направлены на совершенствование прокурорского надзора в сфере защиты социальных прав инвалидов.

Ключевые слова: *инвалиды, права, защита, организация работы, органы прокуратуры.*

Вопрос защиты социальных прав инвалидов во все времена оставался актуальным и во многом дискуссионным. Не потерял он своей актуальности и в настоящее время.

Можно сказать, что русские люди всегда отличались мягкостью и состраданием, особенно больше всего это проявлялось по отношению к лицам «немощным». Так, еще на Руси на людей «убогих», которые имели какие-либо виды нарушений, смотрели как на «божьих людей», именно поэтому окружали их ореолом святости.

Понимание людей о необходимости введения государственной поддержки оказания помощи больным начало формироваться еще в середине XVI века. Так, в 1551 г. Русская православная церковь впервые выступила перед царем с прошением об установлении «богадельни» для всех «прокаженных и престарелых» граждан [10].

Особый вклад в решение вопроса государственной защиты прав инвалидов внес Пётр I, который признал обязанностью государства «призреть бедных, больных и сирот», тем самым закрепил, что оказание помощи нуждающимся — это одна из обязанностей государства. Позже, в период правления Екатерины II в России начали действовать государственные и благотворительные заведения [9]. Исходя из сказанного, можно утверждать, что вопрос защиты прав инвалидов является актуальным на протяжении нескольких веков, а учитывая развитие нашей страны с вектором развития социальной внутренней политики и изменение условий жизнедеятельности людей, актуальность данного вопроса в аспектах современной действительности только возрастает.

Интересными, на наш взгляд, являются статистические данные, которые ежегодно публикует Федеральная служба государственной статистики (Росстат) на своем официальном сайте. Согласно представленным официальным сведениям об общей численности инвалидов за период с 2018 г. по 2024 г., не зависимо от группы инвалидности, показатели количества инвалидов в 2024 г. на 8,2 % ниже, чем в 2018 г. [11]. Из чего можно сделать вывод, что количество инвалидов на территории Российской Федерации, хотя и не значительно, но снизилось. К сожалению, не смотря на снижение общего количества инвалидов, нарушений их конституционных прав не становится меньше. Отсюда вытекает главная проблема, которая требует разрешения — это проблема реализации конституционных прав инвалидов.

В соответствии с положением ст. 7 Конституции Российской Федерации [1] (далее — Конституция РФ) Российская Федерация признается социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, включая обеспечение государственной поддержки инвалидам и пожилым гражданам.

Исходя из этого, приоритетными задачами государства в сфере защиты прав инвалидов являются:

1. обеспечение защиты социальных прав незащищённой категории граждан;

2. создание условий для лиц с ограниченными возможностями, которые не способны самостоятельно обеспечить себе необходимый уровень жизни.

Решение вышеуказанных задач государство возлагает на соответствующие органы, обеспечивающие защиту социальных прав инвалидов, система которых на законодательном уровне закреплена в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите ин-

валидов в Российской Федерации» [3]. В их число входят: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, а также некоммерческие организации. Основными федеральными органами государственной власти в области социальной защиты инвалидов являются: Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральная служба по труду и занятости, Федеральная служба в сфере здравоохранения. Также, под руководством Правительства РФ действует Социальный фонд России, одной из функций которого является предоставление государственных гарантий, мер социальной защиты и социальных услуг отдельным категориям граждан, включая случаи оказания государственной социальной помощи.

Кроме того, государство наряду с иными органами власти, возлагает решение задач, существующих в сфере защиты социальных прав инвалидов на органы прокуратуры, в рамках предоставленных им полномочий. Соблюдение прав социально незащищенной категории населения является одним из приоритетных направлений надзорной деятельности органов прокуратуры, которые ежегодно определяет Генеральный прокурор РФ в своих приказах.

Так, согласно положению Приказа Генеральной прокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» работникам прокуратуры необходимо особо акцентировать внимание на защите закрепленных в Конституции РФ прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение трудовых, жилищных, избирательных и иных социальных и политических прав и свобод человека и гражданина [4]. Также, стоит обратить внимание на Приказ Генеральной прокуратуры России от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан», который приоритетным закрепляет надзор за соблюдением трудовых прав социально незащищенных категорий граждан [5].

Нельзя не согласиться с мнением ученых-конституционалистов, которые считают, что право человека может быть реализовано только тогда, когда ему соответствует чья-то обязанность его обеспечить [6]. Поддерживая такую позицию ученых, можно говорить о том, что органы прокуратуры являются гарантом прав и свобод человека и гражданина при осуществлении своей деятельности в рамках предоставленных компетенций.

Согласно результатам анализа, проведенного Генеральной прокуратурой РФ еще в 2018 г. было установлено, что нарушение прав инвалидов происходит во всех сферах их жизнедеятельности [12]. Чаще всего нарушению подвергаются жилищные, трудовые права инвалидов, а также их права в сфере охраны здоровья. Не смотря на уменьшение общего количества инвалидов в России, согласно статистическим данным Росстата, количество жалоб, поступающих в органы прокуратуры от инвалидов о нарушении их прав, не уменьшается. Возникает вопрос, как органы прокуратуры могут способствовать уменьшению количества нарушений прав инвалидов и разрешению проблемы реализации их конституционных прав. На наш взгляд, один из способов решения данного вопроса — это совершенствование организации прокурорского надзора за исполнением законов о социальной защите инвалидов, поскольку правильная организация трудовой деятельности является ключевым фактором всей работы прокурора.

О важности совершенствования организации рабочего процесса высказывается советский и российский юрист, доктор юридических наук Герасимов С. И., согласно позиции которого, причиной большей части ошибок и просчетов прокуроров при осуществлении надзорной деятельности, является недооценка ими значения использования современных методов организации надзора, игнорирование которых влечет за собой ослабление правозащитного потенциала прокуратуры и негативно сказывается на состоянии законности [7].

На законодательном уровне понятие «организация работы» не закреплено, исходя из этого, возникает большое количество мнение о том, что следует понимать под данным определением. Наиболее полно, на наш взгляд, понятие «организация работы» раскрывается, как комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования прокурорской системы по реализации целей и задач прокуратуры [8].

Исходя из этого, мы предлагаем внедрить некоторые методические рекомендации по организации деятельности работников прокуратуры в области защиты социальных прав инвалидов в зависимости от их сферы жизнедеятельности. Как упоминалось ранее, согласно статистическим данным, чаще всего нарушаются жилищные, трудовые права инвалидов, а также права инвалидов в сфере охраны здоровья.

С целью минимизировать нарушение жилищных прав инвалидов, работникам прокуратуры необходимо:

1. усилить надзор за исполнением объектами прокурорского надзора в данной сфере своих полномочий;
2. не реже одного раза в месяц анализировать реестр инвалидов, нуждающихся в получении жилья, с целью своевременного выявления оснований для предоставления жилых помещений вне очереди;
3. не реже одного раза в месяц проводить личные беседы с инвалидами, которые позволят выявить случаи надлежащего исполнения их права на получение льгот по оплате коммунальных услуг за пользование жилым помещением.

В сфере соблюдения трудовых прав инвалидов, необходимо:

1. работникам прокуратуры не реже одного раза в месяц проверять сайты по поиску работы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на наличие дискриминационных формулировок в отношении инвалидов;
2. не реже одного раза в месяц направлять запрос в службу занятости о количестве кандидатов-инвалидов,

которые получили отказ от работодателя в принятии на работу, и устанавливать причины таких отказов;

3. регулярно направлять запрос в службу занятости о количестве инвалидов, которым были предоставлены рабочие места, и в соответствие с полученной информацией осуществлять личные выезды на предоставленное место работы с целью проверки их соответствия требованиям закона.

Для своевременного выявления и уменьшения количества нарушений прав инвалидов в сфере охраны здоровья, необходимо:

1. не реже одного раза в месяц направлять запросы о количестве инвалидов, нуждающихся в жизненно необходимых лекарственных препаратах, в уполномоченные медицинские организации и проверять своевременное предоставление этих препаратов;

2. вести реестр лекарственных препаратов, которые чаще всего не выдаются инвалидам;

3. внедрить практический обмен опытом между работниками прокуратур разных субъектов по осуществлению надзора в сфере охраны здоровья инвалидов.

Данные рекомендации способствуют повышению эффективности процесса функционирования органов прокуратуры, реализуя при этом цель защиты прав и свобод человека и гражданина, а именно защиту прав социально незащищенной категории граждан. На наш взгляд, сформулированные рекомендации, которые являются частью организационно-методической основы прокурорского надзора за исполнением законов о социальной защите инвалидов в Российской Федерации, в дальнейшем благоприятно повлияют на совершенствование правозащитной деятельности органов прокуратуры в данной отрасли надзора.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30.12.2008 года № 6 ФКЗ, от 30.12.2008 года № 7 ФКЗ, от 5.02.2014 года № 2 ФКЗ, от 21.07.2014 года № 11 ФКЗ, от 14.03.2020 года № 1 ФКЗ, от 04.10.2022 года № 5–ФКЗ, от 04.10.2022 года № 6–ФКЗ, от 04.10.2022 года № 7–ФКЗ, от 04. 10.2022 года № 8–ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — № 237; Официальный интернет–портал правовой информации http://pravo.gov.ru. 06.10.2022.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 8. — Ст. 366; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 6. — Ст. 408.
3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 48. — Ст. 4563; 2025. — № 31. — Ст. 4707.
4. Приказ Генеральной прокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. — 2008. — № 3; 2024. — № 10.
5. Приказ Генеральной прокуратуры России от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // Законность. — 2024. — № 3.
6. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. Москва: Норма, 2007. 784 с.
7. Организация работы городской (районной) прокуратуры: метод. пособие / под ред. С. И. Герасимова. Москва: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2001. 297 с.
8. Прокурорский надзор. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / О. С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. А. Ю. Винокурова. 3-е изд. Москва: Юрайт, 2016. 198 с.
9. Путило Н. В. Социальные права в постиндустриальном обществе: монография. Москва: Проспект, 2021. 120 с.
10. Стоглав: постановления Московского Собора 1551 г. // Портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/.
11. Уровень инвалидизации в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/13964.
12. О многочисленных нарушениях прав граждан с инвалидностью, допускаемых органами государственной власти, местного самоуправления и хозяйствующими субъектами // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e503565/.

Некоторые проблемы оценки доказательств в уголовных делах и их влияние на судебные решения

Дмитриев Максим Евгеньевич, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена возникающим проблемам при оценке доказательств в уголовных делах и их последующего влияния на судебные решения. Актуальность работы обусловлена решающим значением доказательственного материала для последующего вынесения справедливого и законного судебного акта по уголовному делу. Наличие существенных недостатков в собранной доказательственной базе, на стадии предварительного расследования, может привести к вынесению решений, существенно влияющих на законные права и свободы участников уголовного судопроизводства. Вынесенные в нарушение норм материального и процессуального права решения, негативно влияют на авторитет судебной системы.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, доказательства, судебное следствие, оценка доказательств, судебное решение.*

Some problems of evaluating evidence in criminal cases and their impact on judicial decisions

Dmitriyev Maksim Yevgenyevich, master's student
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article is devoted to emerging problems in the evaluating of evidence in criminal cases and their subsequent impact on judicial decisions. The relevance of the work is due to the crucial importance of evidentiary material for the subsequent issuance of a fair and lawful judicial act in a criminal case. The presence of significant deficiencies in the collected evidence base, at the stage of the preliminary investigation, may lead to decisions that significantly affect the legitimate rights and freedoms of participants in criminal procedural relations. Decisions made in violation of the norms of substantive and procedural law negatively affect the authority of the judicial system.

Keywords: *criminal proceedings, evidence, judicial investigation, evaluating of evidence, court decision.*

Оценка доказательств, содержащихся в уголовном деле, является ключевым этапом стадии судебного разбирательства. Формирование аподиктических источников происхождения доказательств и их надлежащая процессуальная фиксация, влияет на реализацию принципа справедливости в уголовном судопроизводстве. При этом субъект расследования уголовного дела обязан совершать процессуально регламентированные действия для облечения полученных сведений в установленную форму.

Следует признать, что в российской уголовно-процессуальной системе закреплен подход, при котором доказательством считается любой информационный материал, легализованный должным образом и используемый для установления истины по делу.

Однако, допускаемые нарушения, на стадии предварительного расследования, в части сбора и фиксации обстоятельств, имеющих доказательственное значение, могут носить не только процессуальный характер, но и представлять массив информации, не соотносящийся с фактически установленными обстоятельствами. Доказательства, не соотносящиеся с общей картиной произошедших событий по делу, создают ложное ощущение доказанности совершения противоправного деяния.

Серьезной проблемой, встречающейся на практике, является ненадлежащий субъект расследования уголовного дела. Проведение следственных действий по уголовному делу ненадлежащим субъектом расследования способствует формированию доказательственной базы с нарушением процессуальных норм. Указанное процессуальное упущение может быть выявлено на стадии судебного следствия, в результате чего такие доказательства должны быть признаны недопустимыми в соответствии с положениями, закрепленными в ст. 75 УПК РФ [1]. Выявление такого рода нарушения на столь поздней стадии создает затруднительное положение для правоприменителей, а возможность вынесения законного и обоснованного судебного акта ставится под угрозу.

Для анализа доказательственной базы по делу и предотвращения процессуальных ошибок, правоприменителю целесообразно использовать установленный законом промежуток времени между поступлением материалов в суд и назначением заседания. Положение, зафиксированное в ч. 3 ст. 227 УПК РФ, при его аутентичном понимании и применении на практике выполняет функцию защиты процессуальных прав участников судопроизводства от возможных нарушений.

«Задачей подготовки к судебному заседанию является устранение препятствий и установление оснований к рассмотрению уголовного дела по существу. Данная стадия уголовного судопроизводства, выявляя и исправляя ошибки и недостатки досудебной подготовки материалов, создает предпосылки для своевременного, законного, справедливого судебного разбирательства. Как и любая другая стадия уголовного процесса, стадия подготовки

и назначения дела к судебному заседанию регламентирована сроками принятия решений и производства процессуальных действий» [6, с. 60–63].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 39 возврат дела прокурору трактуется как механизм, необходимый для исправления фундаментальных препятствий, делающих отправление правосудия невозможным. Данная мера применяется, если существующие пробелы не позволяют суду завершить производство по делу вынесением обоснованного вердикта и не могут быть устранены им самостоятельно.

«Таким образом, данная «промежуточная» стадия уголовного судопроизводства отделяет предварительное расследование от судебного разбирательства уголовного дела по существу и носит как контрольный характер относительно предшествующих ей досудебных стадий, так и подготовительный — относительно предстоящих стадий производства по уголовному делу в суде» [3, с. 603–604].

«Исходя из норм, содержащихся в главах 33 и 34 УПК РФ, при подготовке уголовного дела к судебному заседанию судье надлежит, изучив материалы дела, выяснить, соблюдены ли органами дознания и предварительного следствия требования уголовно-процессуального закона, регулирующего досудебное производство, нет ли обстоятельств, препятствующих либо исключающих его рассмотрение судом, не имеется ли подлежащих разрешению ходатайств и жалобы сторон, оснований для проведения предварительного слушания. Судья также устанавливает, есть ли необходимость принятия по данным вопросам предусмотренных законом процессуальных решений и выполнения процессуальных действий в целях обеспечения беспрепятственного, правильного разрешения уголовного дела судом первой инстанции» [2].

Суд обязан избегать формализма при оценке материалов уголовного дела, обеспечивая их полноценное и всестороннее изучение. Создание условий состязательности, где каждая из сторон обеспечивает проверку своих доводов, предоставляя доказательства и опровергая позицию противоположной стороны и будет способствовать анализу доказательственной базы по каждому конкретному делу. Такая позиция суда, по созданию условий состязательности в процессе судебного разбирательства, способствует выявлению проблем, имеющихся в собранной доказательственной базе.

Отдельного внимания в контексте заявленной темы требует характерный для полемики вопрос, связанный с классификацией доказательств. Значимой в данном контексте представляется позиция доктора юридических наук В. А. Лазаревой, которая полагает, что: «В науке не выработано единого подхода к количеству и видам оснований классификации доказательств. Однако практически все авторы признают деление доказательств на обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные, прямые и косвенные» [5, с. 302]. Доктринальная классификация доказательств на прямые и косвенные является научно приемлемой. При этом, в отличие от самого понятия «доказательства», регламентированного ст. 74 УПК РФ, данная типология не имеет законодательной фиксации. «Прямые доказательства непосредственно устанавливают искомое обстоятельство, а косвенные — опосредовано, через промежуточные факты. Доказывание при наличии косвенных доказательств имеет многоступенчатый характер, где большое значение придается логическому уровню (аспекту) такого доказывания» [7, с. 111–113]. Следует полагать, что отнесение доказательства к прямой или косвенной разновидности правомочно исключительно по характеру его связи с устанавливаемым событием, доказывающим виновность или невиновность субъекта. Таким образом, вышеуказанная типизация доказательств представляется наиболее концептуально последовательной.

При оценке допустимости доказательств суду надлежит исследовать процесс их формирования в ходе предварительного расследования. Любое доказательство, полученное с нарушением процессуального закона, независимо от его вида, подлежит признанию недопустимым в соответствии со ст. 75 УПК РФ. При этом следует учитывать, что не все процессуальные нарушения, допущенные на досудебной стадии, могут быть устранены в рамках судебного производства. Обнаружение ключевого доказательства, обладающего признаками недопустимости и ставящего под сомнение вынесение правосудного решения, обязано активировать норму, изложенную в ст. 237 УПК РФ. В данной ситуации правоприменителю следует воздержаться от попыток реабилитации изначально порочных доказательств и руководствоваться ППВС РФ N 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».

Представляется, что основу обвинительного тезиса в приговоре должно формировать как минимум одно прямое доказательство, в то время как косвенные доказательства выполняют вспомогательную роль, подтверждая выдвигаемые утверждения. Вынесение обвинительного приговора, опирающегося исключительно на совокупность косвенных доказательств, лишенных прямого подтверждения ключевых элементов состава преступления, следует считать недопустимым.

В каждом деле перед правоприменителем стоит задача — оценка собранных по делу доказательств с учетом норм процессуального законодательства и общего их соотношения с материалами дела. Доказательства должны быть полно исследованы в ходе судебного разбирательства и только на их основе может быть вынесено мотивированное судебное решение, где каждое из них получает свою правовую оценку. Неверная оценка доказательства и возведение его в ранг допустимого, при имеющихся признаках недопустимости, в дальнейшем создает угрозу отмены судебного решения.

Категория прямых доказательств является наиболее устойчивой в процессуальном плане, так как имеет явную взаимосвязь с доказываемым событием. При этом стоит уделять значительное внимание косвенным доказательствам, не имеющим такой взаимосвязи. Любые мате-

риалы, имеющие доказательственное значение должны подвергаться тщательной оценке в ходе судебного разбирательства, нарушения при сборе таких доказательств, должны быть устранены, а при отсутствии возможности устранения, исключены из доказательственной базы.

Подводя итог, стоит отметить, что работа акцентирует роль стадии подготовки дела к судебному разбирательству как наиболее релевантного этапа для выявления и исключения недопустимых доказательств. Последовательный анализ материалов дела на данной стадии минимизирует риски последующих проблем при оценке доказательств и формировании устойчивой основы для итогового судебного акта. Процессуально верные действия правоприменителей на досудебных стадиях при собирании доказательств, прямо влияют на вынесение судебного решения.

Ошибочное применение норм процессуального законодательства субъектом расследования уголовного дела, влечет за собой обоснованные проблемы оценки таких доказательств. Высокие критерии оценки собранных доказательств, правоприменителем, способствуют надлежащей реализации стадии заключительной части судебного разбирательства, отраженной в главе 39 УПК РФ.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2009 N 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) // Российская газета. — N 3, 13.01.2010.
3. Доказывание в уголовном процессе: оценка отдельных видов доказательств: учебное пособие для вузов, 2-е изд., перераб. и доп. / А. А. Барыгина. — М.: Юрайт, 2024. — 286 с.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 4е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРАМ, 2017. — 603–604 с.
5. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов, 8-е изд., перераб. и доп. / В. А. Лазарева. — М.: Юрайт, 2025–302 с.
6. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. Т. 1. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
7. Левченко О. В. Классификация доказательств в уголовном процессе // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. № 3 (152) — С. 111–113.
8. Сокол Р. П. Проблемы применения уголовно-процессуальных сроков в стадии подготовки дела к судебному разбирательству // Юристъ — Правоведъ — 2008. № 2 — С. 60–63.

Право собственности как проблемный вопрос в земельном праве РФ

Долинина Варвара Константиновна, студент
Научный руководитель: Максимов Всеволод Дмитриевич, преподаватель
Петровский колледж (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы реализации права собственности на землю и иную недвижимость в современном российском праве. На основе анализа статистических данных, судебной практики 2025 года и положений действующего законодательства выявляются системные недостатки правового регулирования: пробелы в установлении сроков регистрации, проблемы кадастрового учета, высокая доля неоформленного имущества граждан. Особое внимание уделяется анализу правовых позиций Верховного Суда РФ и месту России в международных рейтингах защиты прав собственности. Автором предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: *право собственности, земельное право, регистрация недвижимости, ЕГРН, кадастровый учет, судебная практика, неоформленное имущество.*

Ownership as a problematic issue in the land law of the Russian Federation

Dolinina Varvara Konstantinovna, student
Scientific advisor: Maksimov Vsevolod Dmitrievich, lecturer
Petrovsky College (St. Petersburg)

The article discusses current theoretical and practical issues related to the implementation of the right of ownership of land and other real estate in modern Russian law. Based on an analysis of statistical data, court practice in 2025, and provisions of current

legislation, the article identifies systemic shortcomings in legal regulation, such as gaps in the establishment of registration deadlines, problems with cadastral registration, and a high proportion of unregistered property owned by individuals. Special attention is given to the analysis of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and Russia's position in international rankings of property rights protection. The author proposes ways to improve legislation and law enforcement practices.

Keywords: *ownership, land law, real estate registration, Unified State Register of Real Estate, cadastral registration, judicial practice, unregistered property.*

Введение

Право собственности выступает фундаментальным институтом любой правовой системы, обеспечивающим стабильность гражданского оборота и экономическое развитие государства. В Российской Федерации вопросы права собственности, особенно в сфере земельных отношений, приобретают особую актуальность в связи с масштабными правовыми реформами, цифровизацией учетных процессов и сохраняющимися проблемами правоприменения. Как справедливо отмечают исследователи, право собственности на землю является «ключевым элементом, определяющим взаимодействие человека, общества и государства по поводу основного национального богатства» [9, с. 15].

Цель настоящей статьи — на основе анализа действующего законодательства, статистических данных и судебной практики 2025 года выявить основные проблемы реализации права собственности в земельном праве РФ и предложить пути их решения.

1. Статистический срез проблемы: масштабы неоформленного имущества

Наиболее тревожным индикатором состояния института права собственности является статистика регистрации прав граждан на недвижимое имущество. По данным Росреестра, озвученным в конце 2025 года, владельцы 9,3 миллиона квартир в России, построенных по договорам долевого участия, не зарегистрировали свое право собственности. «Люди живут в квартирах, пользуются жилищно-коммунальными услугами, но при этом не платят налог на собственность» [1]. Данная ситуация ведет не только к выпадению значительных налоговых доходов бюджета (собираемость налога на имущество в 2024 г. составила 98 %, однако потенциал мог быть выше), но и создает правовую неопределенность в обороте такого жилья.

Позитивным трендом является рост электронной регистрации. Так, в Приморском крае за 9 месяцев 2025 года 68 % заявлений поступило в электронном виде, а доля электронных договоров долевого участия достигла 97,84 % [2]. Это свидетельствует о востребованности цифровых услуг, однако не решает проблему отсутствия самих обращений.

Международные рейтинги также фиксируют системные проблемы. Согласно Индексу защиты прав собственности (International Property Rights Index) 2025 года, Россия занимает 96 место из 126 стран с общим баллом 3,879. Критически низкими остаются показатели независимости судебной системы (1,666 балла) и верховенства права (2,625 балла) [3]. В сравнении с США (7,655) или Китаем (4,906) эти показатели демонстрируют сохраняющиеся риски для инвесторов и собственников [10].

2. Проблемы судебной защиты прав собственности

Судебная практика 2025 года выявила ряд сложных вопросов, требующих разрешения на уровне высших судебных инстанций. Важную роль играют разъяснения Верховного Суда РФ. В Обзоре судебной практики № 3 (2025) ВС РФ указал, что при разрешении споров о земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена, суду надлежит точно определять орган, уполномоченный распоряжаться таким участком. Более того, последующие сделки с такими участками должны оцениваться с учетом положений о защите прав добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ), и требования не могут удовлетворяться путем простого аннулирования записи в ЕГРН [6].

В Обзоре № 4 (2025) ВС РФ сформулировал важную правовую позицию: в случае незаконного отказа органа местного самоуправления в предоставлении земельного участка в собственность, арендная плата с гражданина не может взыскиваться в размере, превышающем земельный налог. «Нарушение органом местного самоуправления права арендатора на приобретение земельного участка в собственность не должно быть для этого органа более выгодным, чем его реализация» [8]. Данный подход защищает права граждан и стимулирует органы власти к законным действиям.

Резонансным стало Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2025 г. № 3-П по «сочинскому делу». Суд указал на недопустимость возложения на граждан ответственности за ошибки органов власти при предоставлении земель, особенно если они находятся в границах национальных парков. При этом КС РФ отметил отсутствие в законодательстве специального регулирования «иска о признании права отсутствующим», что является «оригинальным изобретением российской правоприменительной практики» и должно применяться с учетом правил о виндикации [1].

3. Системные недостатки правового регулирования

Анализ законодательства позволяет выделить несколько фундаментальных проблем:

Отсутствие сроков регистрации. В Земельном кодексе РФ (ст. 39.14) не установлены конкретные сроки, в течение которых покупатель земельного участка обязан обратиться за регистрацией перехода права собственности. Это порождает «правовую яму», когда старый собственник продолжает числиться плательщиком налога, а новый — фактически владеет, но не может в полной мере распоряжаться имуществом.

Проблемы кадастрового учета. Множество участков, особенно оформленных в 1990–2000-х годах, не имеют установленных границ. Отсутствие межевания провоцирует споры с соседями и затрудняет налогообложение. Федеральный закон № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» предусматривает механизмы уточнения границ, однако процедура остается платной и добровольной, что не стимулирует собственников к ее прохождению.

Сложность правоприменения. Споры о земле часто имеют двойственную отраслевую природу (гражданскую и земельную), что усложняет квалификацию требований. Сохраняются проблемы с бесхозными землями, собственники которых неизвестны, что блокирует вовлечение таких участков в оборот.

Теоретическое осмысление этих проблем представлено в фундаментальном труде «Современные проблемы теории земельного права России» под редакцией А. П. Анисимова (2024), где авторы подробно анализируют динамику межотраслевых связей и правовой режим отдельных категорий земель [9

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что право собственности в современном российском земельном праве остается проблемным институтом. Основные трудности связаны с пробелами в законодательстве (отсутствие сроков регистрации), низкой правовой активностью граждан (9,3 млн незарегистрированных квартир), противоречивой судебной практикой и недостаточной защитой прав добросовестных приобретателей.

Для решения выявленных проблем представляется необходимым:

Внести изменения в Земельный кодекс РФ, установив предельные сроки для регистрации перехода права собственности и ответственность за их нарушение.

Продолжить цифровизацию учетно-регистрационных процессов, развивая сервисы «Госуслуг» и межведомственное взаимодействие.

На уровне Пленума Верховного Суда РФ дать разъяснения о порядке применения «иска о признании права отсутствующим» и критериях добросовестности приобретателей земельных участков.

Активизировать работу по выявлению прав на бесхозное имущество и неразграниченные земли, возможно, с введением упрощенных процедур для муниципалитетов.

Только комплексный подход, сочетающий совершенствование нормативной базы и правоприменительной практики, способен повысить уровень защиты права собственности и укрепить позиции России в международных рейтингах.

Литература:

1. Владельцы 9,3 млн квартир в России не зарегистрировали право собственности [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2025. — URL: https://realty.ria.ru/20251112/vladeltsy-2054559731.html (дата обращения: 20.02.2026).
2. В Приморском Росреестре подвели итоги работы в сфере учёта и регистрации недвижимости за 9 месяцев 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Тернейского муниципального округа. — 2025. — URL: https://ternejskoe-r25.gosweb.gosuslugi.ru (дата обращения: 13.03.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм. 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2025. — № 12.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025)(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2025) [Электронный ресурс]//СПС«Гарант».—URL: https://base.garant.ru/413342330/ (дата обращения: 13.03.2026)
8. Плешанова О. Реквием по земле // Закон. — 2025. — № 2. — URL: https://www.infralex.ru/news/op-article-zakon-feb25/ (дата обращения: 13.03.2026).
9. Современные проблемы теории земельного права России / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, В. В. Устюкова [и др.]; под общ. ред. А. П. Анисимова, А. Я. Рыженкова. — М.: Юстицинформ, 2024. — 423 с.
10. International Property Rights Index 2025: Russia [Electronic resource] // IPRI.2025.URL:https://internationalpropertyrightsindex.org/country/russia (дата обращения: 25.02.2026).

Психология терроризма

Загитов Даурен Габдыжапарович, студент;
Бешимбаев Галымжан Маратович, студент
Казахский национальный исследовательский технический университет имени К. И. Сатпаева (Satbayev University) (г. Алматы, Казахстан)

В статье рассмотрены психологические механизмы, лежащие в основе терроризма, и показано, что данное явление следует понимать не только как уголовно наказуемое деяние, но и как сложный процесс изменения установок, ценностей и моделей поведения личности. Показано, что для юридической практики важно учитывать не только состав преступления, но и мотивацию, механизмы вовлечения и психологические особенности участников. Подчеркнута роль профилактики, критического мышления и ранней поддержки уязвимых групп.

Ключевые слова: *терроризм, психология терроризма, радикализация, экстремизм, мотивация преступного поведения, групповое влияние, идеология.*

Терроризм сегодня рассматривается не только как уголовно наказуемое деяние, но и как сложное социальнопсихологическое явление. С юридической точки зрения важны состав преступления, ответственность и меры противодействия. Однако без понимания внутренних причин — почему человек вообще приходит к идее насилия — борьба с терроризмом оказывается неполной.

В этой работе я постараюсь простым и «живым» языком объяснить, какие психологические механизмы стоят за терроризмом, как люди вовлекаются в такие группы и почему они готовы идти на крайние меры.

Что такое терроризм с психологической точки зрения? В юридической науке терроризм — это преступление, направленное на устрашение населения и давление на государственные органы. Но если смотреть глубже, терроризм — это ещё и особый тип мышления.

Человек начинает воспринимать насилие не как зло, а как допустимое средство. Более того, он может считать его «правильным» или даже «необходимым». Это ключевой момент: меняется сама система ценностей.

Постепенно происходит так называемое «обезличивание» — человек перестаёт ощущать личную ответственность. Он уже действует не как отдельная личность, а как часть группы, выполняющая «миссию».

Почему люди становятся террористами? Нет одной причины, по которой человек становится террористом. Обычно это сочетание факторов. Во-первых, социальные условия. Это может быть чувство несправедливости, отсутствие перспектив, ощущение, что «система против тебя». Во-вторых, политические причины — недоверие к власти, ощущение, что законные способы ничего не дают. В-третьих, идеология. Человеку предлагают простое объяснение сложного мира: есть «мы» и есть «враги». И если убрать врагов — всё станет хорошо.

Но, пожалуй, самое важное — психологический фактор. Очень часто это люди, которые ищут смысл, признание, значимость. В обычной жизни они могли этого не получить, а в радикальной группе им дают ощущение важности: «ты избранный», «ты борешься за правду».

Важно понимать: террорист — это не обязательно психически больной человек. Наоборот, многие из них вполне рациональны.

Но есть черты, которые встречаются чаще:

— чёрнобелое мышление (без полутонов);
— высокая внушаемость;
— потребность принадлежать к «сильной» группе;
— склонность подчиняться авторитету;
— агрессивная реакция на критику.

Такие люди легче принимают радикальные идеи, потому что они дают простые и понятные ответы.

Как происходит радикализация? Радикализация — это процесс, а не мгновенное решение. Обычно он проходит поэтапно. Сначала человек испытывает недовольство: жизнью, обществом, собой. Затем он ищет объяснение — почему всё так плохо. На этом этапе он может столкнуться с радикальной идеологией, которая даёт «удобный» ответ.

Дальше идёт вовлечение: общение, поддержка, чувство «своих».

И в какойто момент человек начинает считать насилие допустимым.

Особую роль здесь играют вербовщики. Они не действуют грубо — наоборот, используют психологию: поддержку, понимание, манипуляции, обещания «лучшей жизни».

Когда человек попадает в группу, его поведение сильно меняется.

Вопервых, усиливается конформизм — желание быть «как все».

Вовторых, снижается личная ответственность: «это не я, это мы».

Втретьих, формируется особая реальность, где насилие считается нормой.

Группа может усиливать радикальные взгляды. То, что одному человеку показалось бы слишком жестоким, в группе воспринимается как оправданное.

Воздействие терроризма на общество: цель терроризма — не только причинить вред, но и напугать.

Страх — главный инструмент. Люди начинают чувствовать небезопасность, теряют доверие к государству, усиливается напряжённость.

Информационная среда тоже играет роль. Чем больше обсуждений и новостей, тем сильнее эффект страха. Поэтому терроризм всегда рассчитан на широкий резонанс.

Для юриста важно понимать, что за каждым преступлением стоит человек с определённой мотивацией.

Это важно:

— для профилактики (предупреждение радикализации);

— для расследования (понимание поведения участников);

— для судебной оценки (мотив, степень вины);

— для работы с осуждёнными (ресоциализация).

Психология помогает не только наказывать, но и предотвращать.

Бороться с терроризмом только силовыми методами недостаточно.

Необходимо:

— развивать критическое мышление у молодёжи;

— снижать социальную изоляцию;

— поддерживать людей в кризисных ситуациях;

— противодействовать пропаганде в интернете.

Чем раньше человек получает поддержку и альтернативу, тем меньше шанс его вовлечения.

Психология терроризма показывает, что за внешней жестокостью часто стоят внутренние процессы — поиск смысла, чувство несправедливости, влияние группы.

Для юриспруденции это знание особенно важно, потому что оно позволяет не только наказывать, но и предупреждать преступления.

Таким образом, эффективная борьба с терроризмом возможна только при сочетании правовых и психологических подходов.

Литература:

1. Марьин М. И. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности: учебное пособие / М. И. Марьин, Ю. Г. Касперович. — М.: Академия, 2007. — 202 с.
2. Ольшанский Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. — СПб.: Питер, 2002. — 288 с.
3. Соснин В. А. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире / В. А. Соснин. — М.: Институт психологии РАН, 2016. — 344 с.
4. Этнорелигиозный терроризм: монография / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков [и др.]; под ред. Ю. М. Антоняна. — М.: Аспект Пресс, 2006. — 319 с.

Проблемы признания электронных документов и данных из мессенджеров допустимыми доказательствами в уголовном процессе

Запорощенко Светлана Леонидовна, студент;
Кашапова Амина Ринатовна, студент
Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются проблемы признания электронных документов и данных из мессенджеров (и социальных сетей) допустимыми доказательствами в уголовном процессе. Анализируются правовые аспекты, процессуальный порядок получения цифровых данных, трудности установления подлинности и аутентичности сообщений. Сделаны выводы о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства, внедрения единых методик фиксации и экспертизы электронных доказательств для обеспечения их достоверности и допустимости в суде.

Ключевые слова: *электронные доказательства, электронные документы, мессенджеры, социальные сети, допустимые доказательства, доказывание.*

В условиях активной цифровизации общества все более значимую роль в уголовном судопроизводстве приобретают электронные документы и данные, содержащиеся в мессенджерах, социальных сетях и иных средствах электронной коммуникации. Переписка в цифровых сервисах нередко содержит сведения, имеющие доказательственное значение для установления обстоятельств совершения преступления, однако вопросы их процессуального закрепления, проверки подлинности и признания допустимыми доказательствами остаются дискуссионными. В связи с этим актуальным является исследование проблем признания электронных документов и данных из мессенджеров допустимыми доказательствами в уголовном процессе. Целью исследования является анализ правовых и практических аспектов использования таких сведений в доказывании.

Электронные доказательства в уголовном процессе представляют собой сведения об обстоятельствах, име-

ющих значение для уголовного дела, которые зафиксированы в цифровой форме и содержатся на электронных носителях или в информационных системах. В действующем законодательстве Российской Федерации самостоятельное понятие «электронные доказательства» прямо не закреплено, однако возможность их использования вытекает из общих положений о доказательствах.

Для обозначения электронных доказательств используются различные термины, например, «цифровые доказательства», «электронные документы» и даже «иные документы».

Особое место среди электронных доказательств занимают сведения, содержащиеся в мессенджерах и социальных сетях (например, переписка в Telegram, WhatsApp, Max и других сервисах; переписки и посты в социальных сетях «Вконтакте», «Одноклассники» и др.), которые могут отражать факты общения участников, договоренности, передачу информации или подготовку преступления. Нормативное регулирование их использования осуществляется рядом актов: прежде всего Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст. 74, 85, 87, 88 УПК РФ [1]), специальными нормами о работе с цифровыми носителями, например, ст. 164.1 УПК РФ, устанавливающей особенности изъятия электронных носителей информации при следственных действиях. Большое значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 [2], разъясняющее вопросы использования документов в электронной форме и допускающее представление электронных образов документов с возможностью истребования их подлинников судом [4, с. 91].

Получение электронных документов и переписки из мессенджеров и социальных сетей в уголовном процессе осуществляется в рамках следственных действий с соблюдением требований УПК РФ. Особенности изъятия и копирования цифровой информации закреплены прежде всего в ст. 164.1 УПК РФ.

Порядок получения данных:

1. Выявление устройства или аккаунта мессенджера, содержащего значимую информацию.
2. Проведение следственного действия (осмотр, обыск или выемка по ст. 176–183 УПК РФ).
3. Изъятие электронного носителя или копирование информации с него с участием специалиста (ст. 164.1 УПК РФ).
4. Фиксация переписки и файлов в протоколе следственного действия (скриншоты, копии файлов, фото- и видеозапись).
5. При необходимости назначение компьютерно-технической экспертизы.
6. Приобщение полученных данных к материалам уголовного дела как доказательств [5, с. 325].

Одной из ключевых проблем признания переписки допустимыми доказательствами в уголовном процессе является установление подлинности и аутентичности цифровых данных. В большинстве случаев переписка представляется в виде скриншотов или распечаток сообщений из сервисов затрудняет проверку их происхождения и целостности. Суду необходимо установить, кому принадлежит аккаунт, с какого устройства велась переписка и не подвергались ли сообщения изменению. Отсутствие сведений нередко приводит к отказу в признании переписки допустимым доказательством, поскольку невозможно достоверно определить участников коммуникации и источник информации.

Другой существенной проблемой является недостаточная нормативная регламентация и сложность процессуального закрепления таких данных. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит отдельного института электронных доказательств, поэтому данные из мессенджеров и социальных сетей обычно рассматриваются как вещественные доказательства или иные документы. Существуют и риски утраты или изменения электронных сообщений, что требует применения специальных методов фиксации и проведения компьютерно-технической экспертизы для подтверждения достоверности полученных сведений [3, с. 303].

В российской судебной практике за последние годы наблюдаются как примеры признания электронных данных, полученных из социальных сетей и мессенджеров, допустимыми доказательствами, так и случаи отказа в их оценке. Так, например, судьей Северского районного суда Краснодарского края было рассмотрено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Одним из ключевых элементов доказательной базы стали три CDдиска, изъятые в ходе выемки, проведённой в офисном помещении организации. Электронные носители содержали переписку обвиняемого с третьими лицами и с двумя свидетелями по делу. По итогам осмотра диски постановлением следователя были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Суды нередко требуют достоверной идентификации отправителя и адресата сообщений: если такие признаки установить невозможно, суды могут отказать в признании переписки допустимым доказательством или отнести ее к недостаточно проверенным сведениям.

Таким образом, использование данных из социальных сетей, мессенджеров и электронных документов в уголовном процессе сопряжено с рядом проблем: трудности установления подлинности сообщений, недостаточная идентификация участников переписки, риски фальсификации информации и отсутствие четкой нормативной базы для работы с цифровыми доказательствами. Для повышения эффективности применения электронных доказательств необходимо совершенствовать уголовнопроцессуальное законодательство, включая введение специальных норм о порядке изъятия и фиксации цифровых данных, разрабатывать единую методику проведения компьютернотехнических экспертиз и закрепления процессуальных гарантий, обеспечивающих достоверность и допустимость электронных доказательств в суде.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»
3. Арефьянов, О. О. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. — 2024. — № 48 (547). — С. 301–303.
4. Валитова, В. И. Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе // Шаг в науку. — 2025.– № 3.– С. 90–96.
5. Шаблинская, В. Ю. Некоторые проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. — 2026. — № 9 (612). — С. 322–325.

Правовые аспекты наследования долговых обязательств в контексте нотариального делопроизводства

Зинатуллина Алина Альбертовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена вопросам принятия наследства, отягощенного долгами наследодателя. Автором анализируется принцип универсального правопреемства, противоречия ограниченной ответственности наследников, а также проблема «скрытых» долгов. Рассматриваются законодательные новеллы и оценивается эффективность нотариального информирования наследников о долгах наследодателя с точки зрения защиты наследственных прав.

Ключевые слова: *наследственное право, долги наследодателя, кредиторы наследодателя, имущественная ответственность наследников, нотариус.*

Legal aspects of inheritance of debt obligations in the context of notary records management

Zinatullina Alina Albertovna, master's student
St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the issues of accepting an inheritance burdened by the debts of the testator. The author analyzes the principle of universal succession, the contradictions of limited liability of heirs, as well as the problem of «hidden» debts. Legislative innovations are considered and the effectiveness of notarization of heirs about the debts of the testator from the point of view of protection of inheritance rights is evaluated.

Keywords: *inheritance law, debts of the testator, creditors of the testator, property liability of heirs, notary.*

В цивилистике вопрос о правовой природе универсального правопреемства остается одним из ключевых, поскольку в обыденном восприятии он сводится к получению права собственности на конкретные вещи наследодателя, однако это многогранный и юридически неоднородный процесс, основная особенность которого проявляется в реализации принципа неразрывности наследственной массы, включающей в себя как права, так и обязанности.

Принцип универсального правопреемства свидетельствует об обязанности наследника отвечать по долгам наследодателя [1, с. 37]. Законодатель намеренно исключает возможность частичного или выборочного принятия наследства, при котором наследник мог бы принять выгодную часть и отказаться от обременений, что соответствует балансу интересов между преемниками и кредиторами, однако осложняет наследственные правоотношения.

Вместе с тем, в юридической науке подчеркивается недопустимость чрезмерного обременения наследника «возложение на наследника неограниченной ответственности было бы явно несправедливым; ведь может получиться, что наследник в результате принятия наследства не только не приобретет никакого имущества, но и потеряет и лично ему принадлежащее» [2, с. 573]. Данная позиция остается актуальной и находит отражение в зако-

нодательном ограничении ответственности наследников пределами стоимости перешедшего к ним имущества, закрепленном в ст. 1175 ГК РФ. Однако на практике это может способствовать злоупотреблению со стороны наследников, поскольку ранее они нередко самостоятельно, без участия независимых специалистов, определяли стоимость имущества, зачастую искусственно ее занижая, для того чтобы минимизировать размер ответственности перед кредиторами [3, с. 747].

Ограниченная ответственность наследников тем временем создает коллизию в системе наследственного права, так как данное правило входит в противоречие с провозглашенной универсальностью наследственного правопреемства, при которой к наследникам должны были переходить все способные к переходу права и обязанности наследодателя в полном объеме [4, с. 101]. Кредитор наследодателя, заключая договор, рассчитывал на определенный имущественный потенциал должника, однако после его смерти, возможность взыскания долга становится зависимой не от первоначальной суммы обязательства, а от того, сколько имущества осталось после открытия наследства. Кроме того, возложение на наследника полной ответственности за долги умершего, на возникновение которых он никак не мог повлиять, нарушило бы принцип справедливости в гражданском обороте.

В условиях активной цифровизации и высокой закредитованности населения существенно повышается практическая значимость корректного определения наследственной массы, поскольку от полноты сведений об обязательствах наследодателя зависит экономическая целесообразность принятия наследства. Ситуация осложняется тем, что допускается предъявление требований кредиторов как до принятия наследства, так и после [5, с. 248].

Следовательно наследники оказываются в ситуации недостаточной осведомленности, при которой требования кредиторов предъявляются после оформления наследственных прав и отсутствует возможность отказа от них. Осознание этой проблемы на законодательном уровне вызывало необходимость реформы нотариального производства в части выявления и раскрытия долговой нагрузки наследодателя.

Таким образом, был принят Федеральный закон от 23.11.2024 № 407-ФЗ, обязавший нотариусов делать запрос в Центральный каталог кредитных историй (далее — ЦККИ). Данный механизм позволяет оперативно выявлять долговые обязательства наследодателя перед банковскими структурами и микрофинансовыми организациями. Неоспоримым преимуществом такой новеллы является реализация принципа добросовестности, потому как наследник получает реальную картину финансового состояния наследодателя еще до истечения срока на его принятие.

При этом важно отметить, что проведенные преобразования не решили всех существующих проблем. Например, ЦККИ содержит информацию только о долгах, возникших вследствие договора займа и иных гражданско-правовых сделок, игнорируя при этом налоговые задолженности, накопленные долги по жилищно-коммунальным платежам, алиментные недоимки и ряд других обязательств.

Значительным пробелом в актуальных поправках, регулирующих нотариальное производство, остается вопрос «скрытых» долгов, оформленных в виде расписок между физическими лицами. Согласно ст.808 ГК РФ, расписка является надлежаще письменным подтверждением договора займа и порождает правовые последствия. Однако в отличие от банковских кредитов, она не отражается ни в одном реестре и ее также не может увидеть нотариус, впоследствии чего не способен уведомить об этом наследников. Подобная ситуация создает не только финансовые, но и правовые риски, потому что фактически наследник справкой нотариуса об отсутствии зафиксированных долгов, а затем обнаруживает, что принял наследство, отягощенное долгами. В рамках судебного разбирательства вызывают сомнения обстоятельства формирования воли наследника на принятие наследства в условиях достаточно полной информационной базы.

Не исключены случаи предъявления требований к наследственному имуществу по распискам с завышенными суммами или заключенными с нарушением требований законодательства. Если на этапе нотариального производства нет достоверной проверки таких обязательств, то результатом становится сложный процесс правопреемства, где наследники вынуждены самостоятельно доказывать недействительность задолженности, что несет дополнительные временные и финансовые издержки.

Изложенное дает основание утверждать, что существующее правовое регулирование в сфере защиты наследственных прав не утратило дискуссионного характера и требует дальнейшего развития. Представляется целесообразным предложить следующее:

— создание механизма комплексного межведомственного запроса, позволяющего нотариусу получать сводные данные обо всех видах задолженностей наследодателя из Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов в рамках единой процедуры;

— установление срока по истечении, которого не заявившие о себе кредиторы (физические лица) лишаются права требования к наследникам.

Таким образом, институт наследования, отягощенного долговыми обязательствами, представляет собой сложную правовую конструкцию, в основе которой лежит неизбежное противоречие между принципом универсального правопреемства и необходимостью защиты имущественных интересов наследников. Принятые законодательные новеллы открывают перед наследственным правом новые возможности в направлении большей правовой определенности, тем самым обеспечивая наследникам фактическую осведомлённость о составе принимаемого имущества.

Литература:

1. Гусева, Н. Ю. Ответственность наследников по долгам наследодателя / Н. Ю. Гусева // Традиции и новые горизонты в гражданском праве: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17 мая 2023 года. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. — С. 36–44. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=71901890 (дата обращения: 25.03.2026).
2. Хоркуш, Д. Е. Ответственность наследников по долгам наследодателя / Д. Е. Хоркуш // Молодежь третьего тысячелетия: Сборник научных статей XLVIII региональной студенческой научно-практической конференции. В 2-х частях, Омск, 01 апреля — 15 2024 года. — Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2024.
3. Цуканова, К. Е. Проблема определения оценки стоимости наследственной массы по делам, связанным с привлечением к ответственности наследников по долгам наследодателя / К. Е. Цуканова // Право и правосудие в современном мире: Сборник научных статей молодых исследователей Ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 марта 2025 года. — Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2025. — С. 747–749. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82883881 (дата обращения: 25.03.2026).
4. Блинков, О. Е. Очерки российского наследственного права / О. Е. Блинков. — Москва: ООО «Издательство «Перо», 2026. — 160 с. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=85993594 (дата обращения: 25.03.2026).
5. Становых, Д. В. Ответственность наследников по долгам наследодателя/ Д. В. Становых // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 11-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 4-х томах, Курск, 19–20 января 2026 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2026. — С. 247–250. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88985870 (дата обращения: 25.03.2026).

Квалификация и отягчающие обстоятельства при уклонении от уплаты налогов

Йулдошалиева Мадинабону Дилшодбек кизи, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации уклонения от уплаты налогов, а также анализируются отягчающие обстоятельства, влияющие на назначение наказания. Особое внимание уделяется действующему законодательству Российской Федерации, судебной практике и научным подходам к определению состава преступления. Выявляются проблемные аспекты квалификации деяний и предлагаются направления совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: *уклонение от уплаты налогов, квалификация преступлений, отягчающие обстоятельства, налоговые преступления, уголовная ответственность, УК РФ, налоговое право.*

Уклонение от уплаты налогов представляет собой одно из наиболее распространённых экономических преступлений, посягающих на финансовую систему государства. В соответствии со статьёй 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, а нарушение данной обязанности влечёт юридическую ответственность, в том числе уголовную.

Основные составы преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, закреплены в статьях 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации. Статья 198 УК РФ устанавливает ответственность за уклонение от уплаты налогов физическим лицом, а статья 199 УК РФ — за аналогичное деяние, совершённое организацией. Обязательным признаком данных составов является наличие крупного или особо крупного размера неуплаченных налогов, который определяется в соответствии с примечаниями к данным статьям и рассчитывается за период в пределах трёх финансовых лет подряд.

Объективная сторона преступления выражается в действиях (или бездействии), направленных на уклонение от уплаты налогов. К таким действиям законодатель относит непредставление налоговой декларации либо включение в неё заведомо ложных сведений. В научной литературе подчёркивается, что данные формы поведения должны повлечь фактическое непоступление налогов в бюджетную систему, что является обязательным последствием для признания деяния преступным.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется прямым умыслом. Лицо осознаёт общественную опасность своих действий и желает уклониться от исполнения налоговой обязанности. Отсут-

ствие умысла, например вследствие ошибки в толковании законодательства, исключает уголовную ответственность.

Квалификация уклонения от уплаты налогов во многом зависит от размера причинённого ущерба. Так, для физических лиц крупным размером признаётся сумма неуплаченных налогов свыше 2,7 млн рублей, а особо крупным — свыше 13,5 млн рублей за период трёх лет. Для организаций пороговые значения значительно выше, что обусловлено масштабом их хозяйственной деятельности. Таким образом, размер ущерба выступает квалифицирующим признаком, влияющим на тяжесть преступления и вид наказания.

Отягчающие обстоятельства при уклонении от уплаты налогов могут быть как общими (предусмотренными статьёй 63 УК РФ), так и специальными, вытекающими из конструкции состава преступления. К числу специальных отягчающих обстоятельств относится совершение деяния в особо крупном размере, что прямо закреплено в части 2 статей 198 и 199 УК РФ. Данное обстоятельство существенно повышает общественную опасность деяния и влечёт более строгие санкции.

Кроме того, в судебной практике в качестве отягчающих обстоятельств могут учитываться: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, использование служебного положения, систематический характер уклонения, а также создание фиктивных схем налоговой оптимизации. Подобные действия свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности и сложности преступной деятельности.

Следует отметить, что важную роль в квалификации играет разграничение уголовной и административной ответственности. Если сумма неуплаченных налогов не достигает установленного законом порога, деяние квалифицируется как налоговое правонарушение и влечёт ответственность по нормам административного законодательства. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для правоприменительной практики.

Анализ действующего законодательства показывает, что нормы, регулирующие ответственность за уклонение от уплаты налогов, претерпели значительные изменения. В частности, были увеличены пороговые значения крупного и особо крупного размера, что направлено на гуманизацию уголовной политики и снижение нагрузки на правоохранительные органы. Вместе с тем сохраняется проблема неоднозначного толкования отдельных признаков состава преступления, в частности, вопросов доказывания умысла и определения момента окончания преступления.

Существенное значение имеет также позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлениях Пленума, где разъясняются вопросы квалификации налоговых преступлений. В частности, указывается, что ответственность может наступать за уклонение даже по одному налоговому периоду при наличии крупного размера недоимки.

В научной литературе (например, работы А. А. Коновода и других исследователей) подчёркивается необходимость комплексного подхода к оценке состава налогового преступления, включающего анализ всех его элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Это позволяет избежать ошибок квалификации и обеспечить справедливость уголовного преследования.

В заключение следует отметить, что квалификация уклонения от уплаты налогов представляет собой сложный процесс, требующий учёта множества факторов, включая размер ущерба, способ совершения преступления и наличие отягчающих обстоятельств. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики в данной сфере должно быть направлено на достижение баланса между интересами государства и защитой прав налогоплательщиков.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ст. 198, 199).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (части первая и вторая).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления».
5. Коновод А. А. Объект и объективная сторона уклонения от уплаты налогов // CyberLeninka.
6. Комментарии к УК РФ / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай.
7. Бахрах Д. Н., Конин Н. М. Административное право России.

Актуальные проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних

Киевская Арина Святославовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних находится на пересечении уголовной политики, защиты прав ребенка и практических возможностей пенитенциарной системы и органов, исполняющих наказания, не связанные

с лишением свободы. В статье рассматриваются ключевые проблемы современного этапа: несоответствие между декларируемым приоритетом мер, альтернативных изоляции, и реальными ресурсами их исполнения; дефицит индивидуализации и устойчивых межведомственных маршрутов сопровождения; риски «криминогенного заражения» при содержании в местах лишения свободы и недостаточная гибкость режимных решений; сложности обеспечения процессуальных гарантий в период исполнения наказания, включая ситуации перевода осужденных в следственные изоляторы; пробелы в охране психического здоровья и образовательных траекторий; противоречия в практике реагирования на нарушения условий условного осуждения и иных мер без изоляции. На основе анализа действующих норм, судебных правовых позиций и современных научных подходов обосновывается необходимость перехода от формального контроля к модели управляемой ресоциализации, где наказание сочетается с адресной помощью, а решения принимаются с учетом возраста, потребностей и среды подростка.

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, исполнение наказаний, воспитательные колонии, пробация, уголовно-исполнительные инспекции, ресоциализация, раздельное содержание, судебная практика.*

Current issues in the execution of criminal penalties imposed on minors

The execution of criminal penalties imposed on minors lies at the intersection of criminal policy, child-rights protection, and the real capacities of penal institutions and community-based enforcement agencies. This paper addresses core challenges of the current stage: a gap between the proclaimed priority of non-custodial measures and the limited infrastructure for their effective implementation; недостатоk individualized case management and stable interagency pathways; risks of criminogenic peer influence in custodial settings and insufficient flexibility of regime-related decisions; difficulties in safeguarding procedural rights during the execution phase, including transfers to pre-trial detention facilities; deficits in mental health care and educational continuity; and inconsistencies in how authorities respond to breaches of conditions under suspended sentences and other community sanctions. Drawing on statutory regulation, authoritative judicial positions, and contemporary research, the article argues for a shift from purely formal supervision toward a model of managed resocialization that combines accountability with targeted support and age-sensitive decision-making.

Keywords: *minors, execution of sentences, juvenile correctional facilities, probation, community supervision, resocialization, separate detention, case law.*

Исполнение наказания для несовершеннолетнего — это не «последняя стадия» приговора, а длительный процесс управляемого воздействия на подростка, его семью и ближайшую социальную среду. Если назначение наказания традиционно связывают с оценкой опасности деяния и личности, то исполнение определяет, будет ли достигнута заявленная цель исправления и предупреждения новых преступлений. Для несовершеннолетних эта логика усиливается конституционными гарантиями охраны детства и принципом приоритета защиты прав ребенка, а также международными стандартами, требующими применять лишение свободы как крайнюю меру и на минимально возможный срок, обеспечивая при этом образование, медицинскую и психологическую помощь, поддержание семейных связей и индивидуальный подход к каждому делу [1], [7]– [10].

Одна из наиболее острых проблем проявляется в разрыве между «гуманистическим» нормативным ориентиром и инфраструктурой исполнения наказаний без изоляции. На уровне уголовного закона лишение свободы в отношении несовершеннолетних ограничено, предусмотрены альтернативы и особые правила назначения [2]. Однако эффективность альтернатив зависит от того, насколько реально подросток получает сопровождение, занятость, психологическую поддержку и контроль, способный не разрушить социальные связи, а укрепить их. В этой связи особое значение приобретают институты пробации, поскольку они предполагают не только надзор, но и программу помощи, направленную на снижение рисков повторного поведения и возвращение в образование или труд. Принятие специального закона о пробации фиксирует рамку для такой модели и разделяет работу на этапы, включая меры после освобождения, что потенциально критично именно для несовершеннолетних, у которых жизненные траектории наиболее пластичны [4].

Практическая трудность заключается в том, что подросток, как правило, возвращается в ту же среду, где формировались криминогенные факторы: конфликтная семья, дефицит контроля со стороны взрослых, школьная неуспешность, зависимости в окружении, уличные группы. Если надзор сводится к формальной проверке явок и запретов, то он не меняет причин поведения, а иногда усиливает отчуждение и приводит к срыву условий. Для несовершеннолетних оправдана логика «управления случаем»: единый план работы, согласованный между уголовно-исполнительной инспекцией, школой или колледжем, комиссией по делам несовершеннолетних, органами опеки и профильными службами. Важна и преемственность: подросток не должен «выпадать» из сопровождения при изменении меры, переводе, условном осуждении или освобождении. Здесь возникает еще один дефицит — отсутствие повсеместной практики стандартизированной индивидуальной программы ресоциализации, одина-

ково понятной всем ведомствам и самому несовершеннолетнему.

Вторая группа проблем связана с индивидуализацией воздействий и выбором «правильной интенсивности» контроля и помощи. В мировой и российской дискуссии активно используется подход риск–потребности–восприимчивость (RNR), предполагающий, что интенсивность вмешательства должна соответствовать уровню риска, а содержание — выявленным потребностям и особенностям подростка. При этом современные обзоры подчеркивают: доказательная база по отдельным компонентам RNR неоднородна, а качество исследований нередко недостаточно высоко, что требует осторожности в механическом переносе методик и особенно в их использовании как основания для жестких решений [15]. В условиях исполнения наказаний это означает простое правило: оценка рисков и потребностей должна помогать подбирать помощь и формат контроля, но не подменять собой правосудие и не превращаться в «ярлык», закрывающий подростку доступ к образованию, программам и поддержке.

Третья группа проблем относится к лишению свободы и организации исполнения наказания в воспитательных колониях. Здесь центральным становится вопрос сохранения социально полезных связей. Сокращение числа воспитательных колоний и контингента несовершеннолетних объективно приводит к тому, что подростки часто отбывают наказание далеко от места проживания семьи, что усложняет свидания, посылки и фактическое участие родителей в воспитательном процессе. В научных работах отмечается существенное уменьшение числа колоний и численности содержащихся в них несовершеннолетних, что усиливает территориальную «разобщенность» исполнения наказания и повышает риск социальной изоляции подростка от поддерживающей среды [16]. На практике это превращается в парадокс: наказание, которое по смыслу должно иметь воспитательный эффект, одновременно разрывает связи, необходимые для последующей адаптации. Отсюда возникает идея локальных участков или межрегиональных решений, позволяющих сочетать сокращение учреждений с сохранением принципа близости отбывания наказания и доступа семьи к участию в ресоциализации [16].

Четвертая проблема — «криминогенное заражение» и недостаточно тонкая дифференциация контингента. Для несовершеннолетних влияние группы часто сильнее любого формального воздействия, поэтому качество раздельного содержания и режимных решений имеет прямое отношение к профилактике повторного поведения. Научная дискуссия указывает, что важны не только нормы о разделении, но и фактическая организация жизни учреждения, мотивация и подготовка сотрудников, наличие программ занятости и обучения, а также разумная изоляция наиболее криминогенно ориентированных групп без разрушения воспитательной атмосферы для большинства [17]. Дополнительный аспект — пограничные возрастные группы (18–21 и шире), когда молодой человек формально уже совершеннолетний, но по уровню развития и уязвимости нередко близок к подростку; слишком раннее «взросление» режима повышает риски, а слишком позднее — требует отдельного обоснования.

Пятая группа проблем касается процессуальных и правовых гарантий в период исполнения наказания. В общественном восприятии приговор завершает «главный» спор, и далее остается лишь исполнение, однако именно на этой стадии возникают ситуации, влияющие на права несовершеннолетнего: дисциплинарные взыскания, ограничение контактов, перевод, участие в следственных действиях по другим делам, а также вопросы содержания в следственном изоляторе. Правовые позиции высшей судебной инстанции по вопросам, связанным с помещением осужденных в СИЗО и режимом их содержания, важны тем, что напоминают: даже в «исполнительной» фазе должны соблюдаться конституционные требования соразмерности, определенности и судебной защиты, а специальные нормы не могут использоваться как обход гарантий [6]. Для несовершеннолетних этот тезис имеет повышенное значение, поскольку любое ухудшение условий или длительное пребывание в среде, не предназначенной для подростков, усиливает риски психологической травматизации и срыва ресоциализации.

Шестая проблема — здоровье и образование как «ядро» воспитательного эффекта наказания. Международные стандарты прямо связывают исполнение наказания несовершеннолетним с обеспечением доступа к образованию, медицинской помощи и программам развития, а не только с охраной и режимом [8]– [10]. В то же время исследования показывают, что у подростков, попадающих в закрытые учреждения, чрезвычайно высока распространенность психических расстройств и связанных с ними трудностей поведения, включая депрессию, ПТСР, СДВГ и расстройства поведения, что требует системной психиатрической и психологической помощи, а не исключительно дисциплинарных мер [13]. Если учреждение не может обеспечить своевременную диагностику, терапию, работу с травмой и зависимостями, то наказание утрачивает воспитательный смысл и превращается в фактор накопления проблем, а не их разрешения. Непрерывность образования также критична: подросток, выбывший из школьной или профессиональной траектории, с высокой вероятностью окажется в маргинальной занятости и вернется к прежним моделям поведения, поэтому образовательная программа должна быть не «дополнением», а центральным элементом индивидуального плана.

Седьмая проблема проявляется при исполнении наказаний без изоляции, включая условное осуждение, когда ключевым становится реагирование на нарушения и баланс между формальным контролем и воспитательным эффектом. Судебные разъяснения последних лет важны тем, что унифицируют подходы к оценке поведения осужденного и основаниям изменения правового статуса условно осужденного, включая последствия систематических нарушений, уклонения и иные ситуации, в которых

ранее на практике наблюдалась неоднородность [5]. Для несовершеннолетнего излишне жесткая реакция на «типичные подростковые сбои» (опоздания, конфликтность, нестабильная дисциплина) может привести к эскалации и замене меры на лишение свободы, хотя сама логика ювенальной политики требует максимально удерживать подростка в сообществе при наличии реальных программ поддержки. Здесь оправдана «градуированная» система ответов: от предупреждения и усиления сопровождения до изменения обязанностей и только затем — вопроса об отмене условного осуждения, если подросток сознательно и устойчиво уклоняется от исполнения обязанностей.

Восьмая проблема — постпенитенциарная адаптация. Период сразу после освобождения или окончания меры без изоляции — наиболее рискованный: подросток возвращается в среду, где с высокой вероятностью сохраняются прежние конфликты и социальные дефициты, а «ресурс взрослого контроля» часто минимален. Если сопровождение прекращается формально (с окончанием срока), то результаты воспитательной работы в учреждении или в рамках надзора быстро размываются. Новая модель пробации потенциально позволяет закрепить поддержку и после освобождения, но для несовершеннолетних она должна быть тесно связана с образовательными и семейными сервисами, а также с наставничеством и восстановительными практиками, когда это возможно и безопасно [4], [11], [12].

В качестве общего направления совершенствования целесообразно закреплять единый стандарт индивидуальной программы ресоциализации несовершеннолетнего, применимый при любом виде наказания и обеспечивающий преемственность между судом, инспекцией, учреждением и социальными службами. Такая программа должна включать оценку образовательных дефицитов, план обучения или профессиональной подготовки, диагностику психического здоровья, работу с семьей, карту рисков среды и набор конкретных «переходных шагов» (школа, секции, занятость, наставник, терапия), а также прозрачные критерии успеха, понятные подростку. В местах лишения свободы это дополняется повышенными требованиями к подготовке персонала и реальной насыщенности дня подростка учебой, трудом и программами развития, поскольку именно «пустое время» и дефицит содержательной занятости создают почву для криминогенного влияния группы.

Наконец, важно отказаться от иллюзии, что контроль сам по себе воспитывает. Современные обзоры показывают, что негативные эффекты ювенальной изоляции способны затрагивать разные сферы жизни — от психического здоровья до образования и занятости, а потому любая изоляционная мера должна быть максимально «компенсирована» программами развития и поддержкой связей с просоциальной средой [14]. В этом смысле актуальные проблемы исполнения наказаний несовершеннолетним сводятся не к одному «слабому звену», а к необходимости собрать в единую систему право, судебную практику, ведомственные технологии и социальные сервисы, чтобы наказание стало управляемым процессом изменения траектории подростка, а не этапом закрепления его в криминальной идентичности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм. и доп.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изм. и доп.).
4. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (с изм. и доп.).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока».
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.2023 № 25-П по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 77.1 УИК РФ.
7. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20.11.1989).
8. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice ("The Beijing Rules") (1985).
9. United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty ("The Havana Rules") (1990).
10. United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures ("The Tokyo Rules") (1990).
11. Council of Europe. Recommendation CM/Rec(2010)1 of the Committee of Ministers to member states on the Council of Europe Probation Rules (20.01.2010).
12. Council of Europe. Recommendation CM/Rec(2008)11 of the Committee of Ministers to member states on the European Rules for juvenile offenders subject to sanctions or measures (05.11.2008).
13. Beaudry G., Yu R., Långström N., Fazel S. An Updated Systematic Review and Meta-regression Analysis: Mental Disorders Among Adolescents in Juvenile Detention and Correctional Facilities. J Am Acad Child Adolesc Psychiatry. 2021;60(1):46–60. doi:10.1016/j.jaac.2020.01.015.
14. Ackerman E., Magram J., Kennedy T. D. Systematic review: Impact of juvenile incarceration. Child Protection and Practice. 2024;3:100083. doi:10.1016/j.chipro.2024.100083.
15. Fazel S., Hurton C., Burghart M., DeLisi M., Yu R. An updated evidence synthesis on the Risk-Need-Responsivity (RNR) model: Umbrella review and commentary. Journal of Criminal Justice. 2024;92:102197. doi:10.1016/j.jcrimjus.2024.102197.

16. Коробова И. Н. О возможности отбывания несовершеннолетними осужденными к лишению свободы наказания в учреждениях объединенного типа. Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 2. С. 202–207. DOI:10.33463/2687–122X.2022.17(1–4).2.202–207.
17. Савушкин С. М. Научные взгляды на систему раздельного содержания осужденных к лишению свободы. Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 3. С. 416–424. DOI:10.33463/2687–122X.2024.19(1–4).3.416–424.
18. Минязева Т. Ф. Охрана прав ребенка мерами уголовно-правового характера. Вестник Югорского государственного университета. 2024. Вып. 2(73). С. 70–78. DOI:10.18822/byusu2024027078.
19. Скиба А. П. Направления развития Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». Вестник Югорского государственного университета. 2024. Вып. 2(73). С. 112–119. DOI:10.18822/byusu202402112119.

Соотношение процессуальных статусов адвоката в уголовном судопроизводстве

Киль Виктория Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Статья посвящена комплексному исследованию процессуальных статусов адвоката в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Рассматриваются правовое положение защитника, представителя, адвоката свидетеля и адвоката лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. На основе сравнительного анализа норм УПК РФ, позиций Конституционного Суда РФ и данных правоприменительной практики выявлены пробелы правовой регламентации, предложена авторская классификация статусов и сформулированы конкретные законодательные инициативы по их устранению.

Ключевые слова: *адвокат, защитник, представитель, свидетельский иммунитет, досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальное положение, уголовное судопроизводство, квалифицированная юридическая помощь.*

Конституция Российской Федерации в статье 48 закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. В уголовном судопроизводстве реализация данного права обеспечивается прежде всего через участие адвоката, процессуальное положение которого дифференцируется в зависимости от статуса доверителя. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусматривает четыре формы такого участия: в качестве защитника, представителя, адвоката свидетеля и адвоката лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Между тем степень их нормативной проработки различается кардинально, что создает практические затруднения и порождает доктринальные дискуссии [11, с. 57].

Объектом настоящего исследования выступают уголовно-процессуальные правоотношения, складывающиеся при участии адвоката в различных процессуальных статусах. *Предметом* являются нормы УПК РФ, Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также материалы судебной практики, определяющие совокупность прав и обязанностей адвоката в уголовном процессе.

Методологическую основу работы составляют формально-юридический метод (анализ текстов нормативных актов), сравнительно-правовой метод (сопоставление объема полномочий адвоката в каждом из статусов), системный подход и метод правового моделирования.

Целью работы является сопоставление всех процессуальных статусов адвоката, выявление их общих черт, отличий и пробелов правового регулирования. Для достижения указанной цели ставятся следующие *задачи*: 1) охарактеризовать правовую природу каждого из статусов адвоката; 2) провести сравнительный анализ объема полномочий; 3) выявить системные проблемы правовой регламентации; 4) сформулировать конкретные предложения по изменению законодательства.

Гипотеза исследования состоит в том, что существующая дифференциация процессуальных статусов адвоката не образует целостной системы: полномочия адвоката свидетеля и адвоката лица по статье 56.1 УПК РФ неоправданно сужены относительно реальной степени процессуальной уязвимости их доверителей, а межотраслевая рассогласованность УПК РФ и Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» усугубляет данный дисбаланс.

Правовая природа статуса адвоката как участника уголовного судопроизводства

Наиболее детально урегулированным является процессуальное положение адвоката-защитника. Согласно

статье 49 УПК РФ, защитник — это лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Совокупность его прав закреплена в статье 53 УПК РФ и включает конфиденциальные свидания с доверителем без ограничения их числа и продолжительности, участие в следственных действиях, производимых с участием подзащитного, ознакомление с материалами дела по окончании расследования, заявление ходатайств и обжалование действий и решений органов расследования и суда. Статья 51 УПК РФ определяет случаи обязательного участия защитника, когда государство обеспечивает его назначение через координацию с адвокатской палатой [14, с. 257].

Принципиальной характеристикой защитника, отмеченной в научной литературе, является самостоятельность его полномочий: они не производны от прав подзащитного, а закреплены непосредственно в законе [10, с. 25]. Данное обстоятельство позволяет защитнику действовать в интересах доверителя даже вопреки его воле (например, заявлять ходатайства, от которых подзащитный отказался), что обусловлено публично-правовой природой функции защиты. Как отмечается в современной учебной литературе, реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в деятельности защитника предполагает не только представительство частного интереса доверителя, но и выполнение публичной функции, направленной на обеспечение законности уголовного судопроизводства в целом [13, с. 78].

Процессуальное положение адвоката-представителя определяется статьями 45 и 55 УПК РФ. Представитель действует в интересах потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя либо гражданского ответчика. В отличие от защитника, полномочия представителя носят производный характер: он наделяется теми же правами, что и представляемое лицо (ч. 3 ст. 45, ч. 3 ст. 55 УПК РФ). Представитель потерпевшего участвует на стороне обвинения, представитель гражданского ответчика — на стороне защиты. Обязательное участие представителя закреплено для случаев, когда потерпевший является несовершеннолетним по делам о преступлениях против половой неприкосновенности (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ).

При этом процессуальное положение представителей гражданского истца и гражданского ответчика обладает выраженной спецификой. Гражданский истец и его представитель сосредоточены на имущественных требованиях, вытекающих из причинения вреда преступлением; их процессуальный интерес ограничен рамками гражданского иска (ст. 44 УПК РФ). Гражданский ответчик, напротив, может не совпадать с обвиняемым — им выступает лицо, несущее имущественную ответственность за вред, причиненный преступлением. Его представитель, действуя на стороне защиты, оспаривает не обвинение, а размер и основание гражданского иска (ст. 54 УПК РФ). Таким образом, при единой конструкции производных полномочий функции этих представителей различаются: одни отстаивают имущественный интерес на стороне обвинения, другие — на стороне защиты, что влияет на тактику адвоката и характер его взаимодействия с должностными лицами органов расследования.

Необходимо отметить, что вопрос о возможности собирания доказательств представителем потерпевшего решается неоднозначно. Часть 2 статьи 86 УПК РФ наделяет потерпевшего правом собирать и представлять предметы и документы для приобщения к делу. Поскольку представитель обладает теми же правами, что и представляемое лицо, он формально располагает аналогичной возможностью. Вместе с тем данный механизм существенно отличается от полномочий защитника по части 3 статьи 86 УПК РФ, которая предусматривает специальные способы собирания сведений (опрос лиц с их согласия, истребование справок и документов, получение заключений специалиста). Однако в доктрине высказывается обоснованная позиция о том, что практическая реализация части 3 статьи 86 УПК РФ затруднена, поскольку данная норма вступает в противоречие с частью 1 той же статьи, определяющей собирание доказательств как прерогативу дознавателя, следователя, прокурора и суда, а также с частью 2 статьи 74 УПК РФ, устанавливающей закрытый перечень видов доказательств [7, с. 103]. Таким образом, неравенство сторон в сфере доказывания носит более глубокий характер и затрагивает не только представителя, но и самого защитника.

Проблемы реализации свидетельского иммунитета адвоката в свете статей 56 и 56.1 УПК РФ

Право свидетеля являться на допрос с адвокатом закреплено пунктом 6 части 4 статьи 56 УПК РФ, введенным Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ. Полномочия адвоката свидетеля определены путем отсылки к части 2 статьи 53 УПК РФ и ограничиваются правом давать краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемому и делать замечания в протоколе (ч. 5 ст. 189 УПК РФ) [9, с. 93]. А. А. Давлетов, анализируя данный институт, приходит к выводу о том, что адвокат свидетеля не является ни защитником, ни представителем и представляет собой самостоятельную процессуальную фигуру, которую он обозначает как «адвокат-консультант» [9, с. 95].

Практическая значимость данного института обусловлена несколькими факторами. Свидетель обязан давать правдивые показания под угрозой уголовной ответственности (ст. 307–308 УК РФ), однако без содействия адвоката может не осознавать границ свидетельского иммунитета, закрепленного в статье 51 Конституции РФ. Кроме того, на практике допрос в качестве свидетеля нередко используется как тактический прием, предшествующий привлечению лица в качестве подозреваемого [12, с. 255]. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О подтвердило недопустимость допроса адвоката

об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи, что свидетельствует о признании высшей судебной инстанцией значимости адвокатского участия при допросе.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить конкретные проблемы. Во-первых, адвокат свидетеля лишен права самостоятельно заявлять ходатайства и обжаловать действия следователя в порядке статьи 125 УПК РФ [7, с. 103]. Данный пробел особенно критичен в ситуациях, когда следователь ограничивает право адвоката задавать вопросы или не допускает его к участию в допросе, ссылаясь на отсутствие соответствующего процессуального статуса. Во-вторых, закон не регламентирует участие адвоката свидетеля при проведении иных следственных действий — очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте, хотя при их производстве свидетель также нуждается в квалифицированной юридической помощи.

Процессуальное положение адвоката лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, установлено статьей 56.1 УПК РФ, введенной Федеральным законом от 30.10.2018 № 376-ФЗ во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П. Данное Постановление признало не соответствующими Конституции РФ положения УПК РФ в той мере, в какой они не обеспечивали надлежащие процессуальные гарантии лицу, заключившему досудебное соглашение и допрашиваемому в качестве свидетеля по делу соучастников. Конституционный Суд указал на необходимость определения правового положения такого лица с учетом его фактического статуса — бывшего обвиняемого, признавшего вину и давшего показания против соучастников.

На лицо, указанное в статье 56.1 УПК РФ, распространяются права свидетеля, и, соответственно, полномочия его адвоката формально совпадают с полномочиями адвоката свидетеля. Между тем фактическое положение данного лица значительно отличается: ранее выступая в роли обвиняемого, оно может подвергаться давлению со стороны соучастников, а его показания имеют ключевое значение для квалификации действий иных лиц [15, с. 97]. К. К. Клевцов обращает внимание на то, что статья 56.1 УПК РФ не содержит прямого указания на право пользоваться помощью адвоката, в отличие от статьи 56, где такое право прямо закреплено в пункте 6 части 4. Данный пробел способен порождать ограничительное толкование и фактическое лишение указанного лица квалифицированной юридической помощи [15, с. 96].

Показательно, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве применяется преимущественно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в соучастии (ст. 317.1 УПК РФ), где давление на лицо, давшее показания против соучастников, наиболее вероятно. Между тем именно в этой категории дел адвокат лица по статье 56.1 наделен минимальным объемом полномочий, не позволяющим ему обжаловать, например, отказ следователя в применении мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Возникает парадокс: чем серьезнее угроза для доверителя, тем уже процессуальные возможности его адвоката [7, с. 106].

Сравнительный анализ и авторская классификация процессуальных статусов адвоката

Сопоставление рассмотренных форм участия адвоката позволяет предложить авторскую классификацию по трем критериям.

По характеру полномочий выделяются: а) самостоятельные полномочия — защитник, чьи права закреплены непосредственно в статье 53 УПК РФ и не зависят от воли подзащитного; б) производные полномочия — представитель, наделяемый правами представляемого лица; в) усеченные (отсылочные) полномочия — адвокат свидетеля и адвокат лица по статье 56.1 УПК РФ, чьи права определены через отсылку к части 2 статьи 53 и существенно ограничены [10, с. 26].

По процессуальной позиции адвокат выступает: на стороне защиты (защитник, представитель гражданского ответчика), на стороне обвинения (представитель потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя) либо вне процессуальных сторон (адвокат свидетеля и адвокат лица по ст. 56.1 УПК РФ). Последняя категория представляет наибольший научный интерес, поскольку адвокат здесь не принадлежит ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, а выполняет автономную функцию обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь.

По степени нормативной обеспеченности наблюдается выраженная градация: полномочия защитника урегулированы наиболее подробно (статьи 49–53 УПК РФ), представителя — в достаточной мере (статьи 45, 55 УПК РФ), тогда как правовое положение адвоката свидетеля определено фрагментарно (п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189 УПК РФ), а адвоката лица по статье 56.1 УПК РФ — крайне неопределенно. Данная градация, по нашему мнению, не соответствует реальной степени процессуальной уязвимости доверителей: лицо, заключившее досудебное соглашение, подвержено значительно большим рискам, нежели обычный свидетель, однако его адвокат наделен тем же минимальным набором прав [10, с. 27].

Общей чертой всех четырех статусов выступает их направленность на обеспечение конституционного права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ). Различия состоят в объеме полномочий, основании возникновения процессуального статуса, степени процессуальной самостоятельности адвоката и, что принципиально важно, в уровне нормативной определенности.

Пути совершенствования гарантий адвокатской деятельности

Проведенный анализ позволяет выявить три ключевые системные проблемы и предложить конкретные пути их устранения.

Первая проблема — межотраслевая рассогласованность. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в подпункте 5 пункта 2 статьи 2 упоминает лишь защитника и представителя в качестве форм участия адвоката в уголовном судопроизводстве [11, с. 58]. Адвокат свидетеля и адвокат лица по статье 56.1 УПК РФ не нашли отражения в данном акте, что создает правовую неопределенность в вопросах оплаты труда адвоката, его страхования и дисциплинарной ответственности. Предлагается дополнить подпункт 5 пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» указанием на участие адвоката в качестве лица, оказывающего юридическую помощь свидетелю и лицу, указанному в статье 56.1 УПК РФ.

Вторая проблема — недостаточный объем полномочий адвоката свидетеля и адвоката лица по статье 56.1 УПК РФ. Обоснованность расширения данных полномочий подтверждается несколькими аргументами. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П прямо указало на необходимость обеспечения надлежащих процессуальных гарантий лицу, заключившему досудебное соглашение, сопоставимых с гарантиями обвиняемого. Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «Салдуз против Турции» от 27.11.2008 г. признал, что право на юридическую помощь возникает с момента первого контакта лица с правоохранительными органами, а не с момента предъявления обвинения, и любое ограничение доступа к адвокату на ранних стадиях должно оцениваться с точки зрения справедливости разбирательства в целом. Данная позиция тем более применима к лицу по статье 56.1 УПК РФ, которое уже прошло через уголовное преследование и допрашивается о действиях соучастников. Предлагается изложить часть 6 статьи 56.1 УПК РФ в следующей редакции: «Лицо, указанное в части первой настоящей статьи, вправе пользоваться помощью адвоката. Адвокат данного лица вправе присутствовать при производстве следственных действий с участием своего доверителя, заявлять ходатайства, делать заявления, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда в порядке, установленном статьей 125 настоящего Кодекса».

Применительно к адвокату свидетеля предлагается дополнить часть 4 статьи 56 УПК РФ пунктом 7 следующего содержания: «пользоваться помощью адвоката при производстве любых следственных действий, проводимых с участием свидетеля. Адвокат свидетеля вправе давать краткие консультации свидетелю в присутствии следователя, задавать с разрешения следователя вопросы, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия, а также обжаловать действия (бездействие) и решения следователя в порядке, предусмотренном статьей 125 настоящего Кодекса». Расширение формулировки с «допроса» до «любых следственных действий» устраняет пробел, при котором адвокат формально не мог присутствовать при очной ставке, опознании или проверке показаний.

Третья проблема — отсутствие единого профессионального стандарта. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденный VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017, распространяется исключительно на деятельность защитника [14, с. 258]. Участие адвоката в иных процессуальных статусах профессиональными стандартами не охвачено, что порождает неоднородную практику и снижает качество юридической помощи. Целесообразно рекомендовать Федеральной палате адвокатов РФ разработать дополнительный стандарт, регламентирующий обязанности адвоката при оказании юридической помощи свидетелям и лицам, указанным в статье 56.1 УПК РФ.

Подводя итоги, следует констатировать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает дифференцированную систему процессуальных статусов адвоката, однако данная система не обладает внутренней согласованностью. Выдвинутая гипотеза о несоразмерности объема полномочий адвоката степени процессуальной уязвимости его доверителей нашла подтверждение: адвокат лица по статье 56.1 УПК РФ, чей доверитель подвержен наибольшим рискам среди рассмотренных категорий, наделен наименьшим объемом процессуальных прав.

Предложенная авторская классификация по критериям характера полномочий, процессуальной позиции и степени нормативной обеспеченности позволяет системно оценить выявленные пробелы. Конкретные законодательные инициативы — дополнение подпункта 5 пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», новая редакция части 6 статьи 56.1 УПК РФ, расширение пункта 6 части 4 статьи 56 УПК РФ — направлены на устранение межотраслевой рассогласованности и приведение объема гарантий в соответствие с реальными потребностями участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: официальный текст: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 — Москва: ЦЕНТРМАГ, 2026. — 92 с. — ISBN 978–5-903090–22–8. — Текст: непосредственный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 18.12. 2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 18 декаб. 2001 г.: [в ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 32. — Ст. 3301.

3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Проспект, 2025. — 64 с. — ISBN 978–5-392–43040–6.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 N 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — N 33. — Ст. 3433.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 N 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // Российская газета — Федеральный выпуск: № 171(7039).
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.11.2008 г. Дело «Салдуз против Турции» [Salduz v. Turkey] (жалоба № 36391/02) (Большая палата) (извлечение).
7. Гапонова В. Н. Участие адвоката в уголовном судопроизводстве: пробелы правового регулирования / В. Н. Гапонова, А. А. Лукьянова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 3 (106). — С. 100–109.
8. Григорьев И. О. К вопросу о видах процессуального статуса адвоката в уголовном процессе / И. О. Григорьев // Молодой ученый. — 2022. — № 25 (420). — С. 85–87.
9. Давлетов А. А. Адвокат-консультант в уголовном процессе / А. А. Давлетов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2014. — № 4 (24). — С. 93–98.
10. Давлетов А. А. Процессуальные статусы адвоката в уголовном судопроизводстве / А. А. Давлетов // Адвокатская практика. — 2016. — № 5. — С. 24–30.
11. Зубков С. Б. Отдельные аспекты назначения адвоката в качестве защитника в контексте цифровизации уголовного судопроизводства / С. Б. Зубков // Адвокатская практика. — 2024. — № 1. — С. 56–60.
12. Иванова В. И. Участие защитника (адвоката) в уголовном судопроизводстве (процессе) / В. И. Иванова // Молодой ученый. — 2023. — № 24 (471). — С. 254–256.
13. Колоколова Н. А., Володиной С. И.. Адвокат в уголовном процессе: учебное пособие / Н. А. Колоколова, С. И. Володиной // — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. — 495 с.
14. Конин В. В. Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты» / В. В. Конин // Пенитенциарная наука. — 2024. — Т. 18. — № 3 (67). — С. 256–262.
15. Клевцов К. К. Принятие Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты / К. К. Клевцов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 6. — С. 94–98.
16. Серветник С. В. Некоторые особенности правового статуса защитника (адвоката) в современном уголовном процессе / С. В. Серветник // Молодой ученый. — 2018. — № 47 (233). — С. 156–158.

Пределы адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве

Киргинцева Кристина Витальевна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной публикации исследуется понятие адвокатской тайны, а также рассматривается вопрос о возможности ее ограничения в условиях получения адвокатом информации о причастности доверителя к совершению другого преступления.

Ключевые слова: *адвокат, защитник, юридическая помощь, доверитель, преступление, адвокатская тайна.*

Адвокатская тайна является важнейшим институтом уголовного судопроизводства, так как выступает гарантом защиты интересов доверителя, равноправия сторон. В соответствии с конституционными положениями (ст. 48 [1]) каждому гарантируется право на квалифицированную юридическую помощь, и для этого создан соответствующий негосударственный институт — адвокатура.

В соответствии со ст.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] (далее — ФЗ № 63) адвокат является профессиональным квалифицированным специалистом в юридической отрасли, который оказывает юридическую помощь, с целью защиты прав и законных интересов доверителя, в том числе посредством его защиты и представительства в судах.

Защита интересов доверителя, который в рамках уголовного преследования приобретает статус подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, основывается на доверительных отношениях между адвокатом-защитником и клиентом. Это обусловлено рядом обстоятельств, в числе которых — необходимость адвоката установить действительные обстоятельства преступного события, чтобы заранее понимать дальнейшие перспективы производства по делу, соответствующим образом выстроить линию защиты, с целью минимализации уголовно-правового воздействия на своего подзащитного. Адвокатская тайна гарантирует конфиденциальность обмена информацией между адвокатом и доверителем.

Понятие адвокатской тайны в законодательстве прямо не содержится, однако в ст. 8 ФЗ № 63, которая называется «Адвокатская тайна», фрагментарно закреплены нормы, сопоставление которых позволяет правоприменителю самостоятельно его смоделировать.

Так, в ч. 1 ст. 8 ФЗ № 63 указывается, что адвокатскую тайну составляют любые сведения, которые получены адвокатом в ходе оказания доверителю юридической помощи, в том числе его защиты по уголовному делу.

В ч. 2 исследуемой статьи установлен запрет на производство вызова и допроса адвоката в качестве свидетеля по делу, которое находится в его адвокатском производстве.

В ч. 3 установлена обязанность для органов, производящих оперативно-розыскные мероприятия, на получение судебного разрешения для их проведения в отношении адвоката. А полученные в ходе данных мероприятий сведения могут выступать в качестве доказательств по уголовному делу только в случае если они не связаны с доверителем.

Таким образом, суммируя изложенное, предложим собирательное понятие адвокатской тайны — это сведения, полученные адвокатом при оказании юридической помощи доверителю, которые не могут являться результатом допроса адвоката, а также проведения в отношении него оперативно-розыскных мероприятий.

Несмотря на нормативную регламентацию особого процессуального статута адвокатской тайны как неприкосновенной категории уголовного преследования, факты ее системного нарушения влекут существенные последствия как для самого обвиняемого, так для адвоката и участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Доказательства, полученные с нарушением адвокатской тайны, в дальнейшем признаются судом недопустимыми, а следственные действия, проводимые в отношении адвоката в условиях разглашения адвокатской тайны — незаконными.

Важным является вопрос о пределах адвокатской тайны, насколько они абсолютны в условиях современного уголовного процесса и насколько оправданным будет являться их законное ограничение.

Пожалуй, главный вопрос в этой области связан с ситуацией, когда адвокат в ходе оказания защиты обвиняемого узнает о совершении им другого преступления (или подготовки к нему, а также нахождении в длящемся состоянии (например, удержание в неволе заложника)), которое не входит в совокупность текущего обвинения. Каковы действия адвоката в данной ситуации? Вправе ли он эти сведения сообщить в правоохранительные органы с целью пресечения преступления и привлечения доверителя к дополнительной уголовной ответственности за его совершение? Или же это не право, а обязанность адвоката?

По этому поводу мнения ученых разделились.

Первая группа специалистов указывает на незыблемость адвокатской тайны ни при каких обстоятельствах, то есть ее полный абсолютный характер конфиденциальности (В. Ф. Анисимов [3], О. Г. Зубарева [4], Н. С. Манова [6], В. Ю. Панченко [7] и др.)

Второй научный лагерь высказывает мысль о необходимости законодательной регламентации конкретных ограничений адвокатской тайны, посредством обвязывания адвокатов сообщать в уполномоченные органы информацию, полученную в ходе оказания юридической помощи, содержащую сведения о совершенном или готовящемся к совершению преступлении (А. Г. Кучерена [5], Ю. С. Пилипенко [8] и др.)

Высказываются и более дифференцированные подходы по исследуемому вопросу. Так, И. Л. Петрухин, размышляя об абсолютности адвокатской тайны, пришел к выводу, что в случаях, когда адвокат получает от доверителя информацию о его причастности к подготовке тяжкого или особо тяжкого преступления (еще не совершенного) и когда существует реальная возможность его пресечь и тем самым избежать человеческих жертв, он должен сообщить об этом в правоохранительные органы, вопреки режиму адвокатской тайны.

Находим данное предложение состоятельным и справедливым, так как жизнь и здоровье человека являются наивысшей ценностью, охраняемой уголовным законом, и приоритет их охраны относительно соблюдения акадской тайны очевиден.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, № 48, ст. 6725.
3. Анисимов В. Ф. Пределы адвокатской тайны / В. Ф. Анисимов // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 64–70.

4. Зубарева О. Г. К вопросу об ответственности за нарушение режима адвокатской тайны / О. Г. Зубарева, М. В. Маевская // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 110–116
5. Кучерена А. Г. Адвокатская тайна / А. Г. Кучерена // Законность. 2003. № 2. С. 47–50.
6. Манова Н. С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации / Н. С. Манова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2(42). С. 203–210.
7. Панченко В. Ю. Правовые средства обеспечения доверия клиента при оказании юридической помощи: возможности и пределы использования / В. Ю. Панченко, А. Е. Михалева // Вестник КрасГАУ. 2014. № 11(98). С. 243–245.
8. Пилипенко Ю. С. Адвокатская тайна: законодательный, этический, правоприменительный аспекты / Ю. С. Пилипенко. Москва: Информ-Право, 2009. 536 с.

Платформенная занятость и юридические службы: вызовы, риски и модели оптимизации

Кочаненко Евгений Петрович, кандидат юридических наук, главный консультант юридического управления
Министерство финансов Самарской области (г. Самара)

В статье анализируется феномен платформенной занятости как новой парадигмы трудовых отношений, формирующей вызовы для юридических подразделений государственных органов. Также анализируются перспективы перевода юридических подразделений органов государственной власти (полностью или частично) на принципы платформенной занятости, возможность сокращения штатных юристов и привлечения специалистов через специализированные цифровые платформы для выполнения ряда задач.

Ключевые слова: *платформенная занятость, государственная гражданская служба, юридические подразделения, цифровые платформы, аутсорсинг, правовой статус, прекаризация, алгоритмическое управление.*

Platform employment and legal services: challenges, risks, and optimization models

The article analyzes the phenomenon of platform employment as a new paradigm of labor relations, which creates challenges for the legal divisions of public authorities. It also examines the prospects of transitioning the legal divisions of public authorities (fully or partially) to the principles of platform employment, the possibility of reducing in-house legal staff and engaging specialists through specialized digital platforms to perform specific tasks.

Keywords: *platform employment, state civil service, legal divisions, digital platforms, outsourcing, legal status, precarization, algorithmic management.*

Последовательное развитие платформенной экономики трансформирует не только рынок труда, но и систему управления в организациях, включая юридические службы. По данным НИУ ВШЭ, в 2024 году численность платформенных работников в России оценивалась в 15,5 млн человек, из которых 1,7 млн. рассматривали этот формат как основную занятость [1]. Платформенная занятость создает новые вызовы для юридических подразделений, вынуждая их адаптироваться к нестандартным формам трудовых отношений, алгоритмическому управлению и изменяющейся судебной практике. Одновременно сама концепция платформенной занятости начинает рассматриваться как возможный инструмент оптимизации деятельности юридических служб, в том числе в государственном секторе. Настоящая статья посвящена двум взаимосвязанным аспектам: во-первых, анализу вызовов, с которыми сталкиваются юридические службы в условиях развития платформенной занятости, и выработке подходов к их решению; во-вторых, оценке путей и рисков оптимизации юридических подразделений государственных органов с использованием платформенных механизмов.

Новые вызовы для юридических служб и пути их решения

Правовая неопределенность статуса платформенных работников

Ключевая проблема, с которой сталкиваются юридические службы, — квалификация отношений между цифровыми платформами и лицами, выполняющими работы или оказывающими услуги через такие платформы. В российской судебной практике преобладает подход, при котором платформы признаются поставщиками информационных услуг, а не

работодателями [2]. Как отмечает Н. Л. Лютов, «платформенным трудящимся очень редко удается отстоять свой трудоправовой статус даже в ситуациях, когда признаки трудовых отношений налицо» [3].

Международный опыт демонстрирует различные подходы к решению этой проблемы:

– В Испании Королевский декрет 9/2021 (т.н. «Закон о курьерах») установил презумпцию трудовых отношений для лиц, работающих через цифровые платформы, с возложением бремени доказывания обратного на платформу [4].

– В Индии Кодекс социального обеспечения 2020 года ввел две новые категории: гиг-работника (gig worker) и платформенного работника, предоставив им определенные социальные гарантии [5].

– В Европейском союзе в 2024 году принята Директива об улучшении условий труда на платформах (EU Platform Work Directive), которая устанавливает обязательную презумпцию трудовых отношений и требует прозрачности алгоритмического управления [6].

– В Нидерландах и Великобритании судебная практика последовательно развивается в направлении признания платформенных работников сотрудниками, как это произошло в делах Uber (Нидерланды, 2021) и Uber (Великобритания, 2021) [7] [8].

Юридическим службам необходимо учитывать эту разнородную судебную и законодательную практику при разработке внутренних политик, договорных конструкций и оценке рисков привлечения платформенных работников. Принятый 31 июля 2025 года Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее — Закон о платформенной экономике) вступает в силу с 1 октября 2026 года и вводит легальные определения, которые могут стать основой для привлечения внешних специалистов государственными органами.

Прекаризация занятости как системный риск

Платформенная занятость несет в себе риски прекаризации — нестабильности, незащищенности, отсутствия социальных гарантий. В диссертационном исследовании А. В. Попова прекаризация определена как «процесс трансформации трудовых отношений, выражающийся в снижении устойчивости положения работников вследствие принятия на себя части рисков, связанных с организацией трудовой деятельности» [9]. По данным НИУ ВШЭ, только 32,7 % платформенных работников оформляют выполненные работы официально, а 36,2 % никак не оформляют заказы [1, с. 9].

Для юридических служб это означает необходимость:

– разработки четких критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений при заключении договоров с платформенными специалистами;

– включения в договоры условий, обеспечивающих минимальные гарантии (сроки оплаты, порядок приемки работ, ответственность за неисполнение);

– мониторинга судебной практики по переквалификации договоров.

В исследовании А. А. Карпенко предложена матрица оценки рисков платформенной занятости, включающая риски гибкости труда, стабильности, снижения доходов, автономности труда, уязвимости социального положения и отсутствия социального диалога [2, с. 124–126]. Юридические службы могут использовать подобные инструменты для превентивной оценки рисков при взаимодействии с платформами.

Алгоритмическое управление и прозрачность

Цифровые платформы используют автоматизированные системы для распределения заказов, установления цен, оценки работников (рейтинги). Как отмечает Ш. Зубофф, это формирует систему «капитализма наблюдения», где алгоритмы определяют условия труда [10]. Для юридических служб возникает задача обеспечения прозрачности алгоритмического управления, особенно если платформа выступает контрагентом.

Проект Директивы ЕС о платформенной работе предусматривает:

– право работников на получение информации об использовании автоматизированных систем;

– право на письменное объяснение любого решения, влияющего на условия труда;

– процедуру пересмотра человеком решений, приводящих к отказу в оплате, приостановке или деактивации учетной записи [11].

Аналогичные требования могут быть включены в договоры с платформами и в локальные акты организаций, использующих платформенный труд.

На 113й сессии Международной конференции труда, которая прошла в Женеве со 2 по 13 июня 2025 года, обсуждались вопросы достойного труда в платформенной экономике. По итогам была одобрена резолюция, согласно которой в повестку следующей, 114й сессии (2026 год) включается пункт «Достойный труд в платформенной экономике». В рамках этого пункта планируется провести второе обсуждение с целью принять конвенцию и дополняющую её рекомендацию.

В ходе первой дискуссии стороны согласовали основные определения (платформа, платформенный работник и другие), а также сферу применения будущей конвенции. Установлено, что конвенция будет охватывать все типы платформ и все категории лиц, выполняющих на них работу. При этом государствам на первых порах разрешено делать исключения, однако со временем, по мере адаптации национального законодательства, их перечень должен сокращаться.

Роль юридических служб в минимизации рисков

В статье С. В. Кичигина «Правовое регулирование удаленной работы» [12] и статье Н. Сенаторовой «Особенности дистанционной работы» [13] обосновывается, что российское трудовое право различает дистанционную (удаленную) работу (глава 49.1 Трудового кодекса РФ) и надомную работу (глава 49 Трудового кодекса РФ), причем дистанционная работа предполагает использование информационно-телекоммуникационных сетей и отсутствие контроля работодателя за рабочим местом. В то же время для государственных органов возможность найма внештатных специалистов на условиях трудового договора дистанционной работы ограничена требованиями законодательства о государственной службе (запрет на замещение должностей гражданской службы лицами, не состоящими в штате). Однако использование платформенных специалистов по гражданско-правовым договорам (на основе Закона о платформенной экономике) снимает это противоречие, так как такие специалисты не являются государственными служащими.

Вместе с тем в статьях поднимается проблема «гибридной» занятости (чередование удаленной работы и работы на стационарном рабочем месте). Для государственных органов это может быть актуально, если платформенный юрист должен периодически присутствовать в судебных заседаниях, участвовать в совещаниях, требующих личного присутствия. Статья 312.1 Трудового кодекса РФ допускает гибридный режим дистанционной работы. При привлечении платформенного специалиста этот режим должен быть отражен в гражданско-правовом договоре, заключаемом через платформу, с указанием места выполнения работы (например, «территория города Москвы» или «здание государственного органа по адресу …»). Закон о платформенной экономике не запрещает устанавливать в договоре такие условия, если они не противоречат критериям независимости (например, указание места работы не должно создавать режим подчинения правилам внутреннего трудового распорядка).

Юридические подразделения играют ключевую роль в управлении рисками, связанными с платформенной занятостью. В этой связи ключевыми вопросами в данном контексте могут выступать:

1) Проверка контрагентов. При привлечении платформенных специалистов необходимо верифицировать их статус (самозанятый, ИП, юридическое лицо), наличие необходимых лицензий и разрешений, а также соответствие деятельности критериям независимости;

2) Разрешение споров;

3) Обеспечение защиты персональных данных;

4) Противодействие коррупционным рискам. Платформенная занятость создает новые возможности для конфликта интересов, сокрытия вознаграждений, что требует разработки специальных мер контроля.

Направления совершенствования регулирования

Обобщая международный опыт и российскую практику, можно выделить несколько перспективных направлений совершенствования правового регулирования, которые должны учитываться юридическими службами при разработке и актуализации внутренней нормативной базы.

1) Использование при оформлении правоотношений гибридных статусов. В Чили закон № 21,431 ввел категорию «независимый платформенный работник», сочетающую элементы трудового и гражданско-правового регулирования [14].

2) Обеспечение алгоритмической прозрачности. Закрепление договоре с нанимаемым сотрудником обязанности платформ раскрывать принципы работы алгоритмов, влияющих на условия труда (вариант трехстороннего договора).

3) Развитие добровольного социального страхования. Как показано в исследовании ЦСР, платформы могут предоставлять инфраструктуру для приобретения страховых продуктов и софинансировать расходы лояльных партнеров без риска переквалификации отношений [15].

4) Создание механизмов досудебного разрешения споров. Статья 14 Закона о платформенной экономике уже предусматривает обязательный досудебный порядок обжалования решений оператора.

Пути и риски оптимизации юридических служб государственных органов в рамках концепции платформенной занятости

Международный опыт показывает, что отдельные элементы платформенной модели уже используются в государственном управлении, хотя и с существенными ограничениями.

США: программы «губернаторских стипендиатов» и привлечение внештатных экспертов. На федеральном уровне и уровне штатов широко используются механизмы привлечения специалистов на временные проекты через специали-

зированные платформы (например, GSA's OASIS, 18F). Однако эти специалисты не подменяют штатных служащих, а работают параллельно, и их деятельность строго регламентирована рамками конкретных проектов [16, [17], [18].

Европейский Союз: Европейский корпус солидарности и экспертные пулы. В рамках Европейской комиссии созданы базы экспертов, привлекаемых для краткосрочных заданий. В Директиве ЕС о платформенной работе (2024) подчеркивается, что даже при таком привлечении необходимо обеспечивать прозрачность алгоритмического управления и соблюдение трудовых прав, однако государствам-членам предоставлена возможность сохранять особый статус для государственных служащих [19].

Великобритания: модель «Public Sector Resourcing». В Великобритании используется цифровая платформа для временного найма специалистов в государственный сектор (PSR). Специалисты работают по срочным контрактам, но не замещают штатные должности, а закрывают пиковые нагрузки или уникальные проекты. При этом ключевым отличием является то, что такие специалисты проходят те же проверки (включая благонадежность), что и штатные сотрудники [20].

Применительно к России этот опыт показывает, что гибкие формы привлечения юристов через платформы возможны, но только для вспомогательных, не связанных с осуществлением властных полномочий задач, и с обязательным сохранением института государственной службы для выполнения основных функций.

Нормативно-правовые ограничения

Применение платформенной модели к юридическим подразделениям государственных органов наталкивается на жесткие ограничения, установленные законодательством о государственной гражданской службе.

1. Запрет на замещение должности гражданской службы в режиме «платформенного подрядчика». Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о гражданской службе) устанавливает, что гражданская служба — это профессиональная служебная деятельность на должностях на основании служебного контракта, а не гражданско-правового договора. Следовательно, штатный государственный юрист не может быть заменен платформенным специалистом без изменения правовой природы служебных отношений.

2. Ограничения, связанные с доступом к государственной тайне и иной охраняемой информации. Юридические подразделения государственных органов, как правило, имеют доступ к сведениям, составляющим государственную, служебную или иную охраняемую законом тайну. Привлечение внешних специалистов через платформы потребовало бы проведения процедур допуска, что для нештатных работников технически сложно и противоречит принципу персональной ответственности.

3. Запрет на предпринимательскую деятельность. Статья 17 Федерального закона о гражданской службе прямо запрещает государственным служащим заниматься предпринимательской деятельностью. Платформенный специалист, зарегистрированный как самозанятый или ИП, осуществляет предпринимательскую деятельность. Следовательно, государственный служащий не может одновременно выступать в качестве платформенного исполнителя по отношению к тому же органу власти.

Отдельно необходимо отметить, что в рамках исполнения мероприятий по цифровой трансформации государственного управления, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», во многих регионах осуществляется переход на централизованное ведение бухгалтерского (бюджетного) учета и отчетности в государственном секторе, в том числе за счет сокращения гражданских служащих и передачи соответствующего функционала специализированным государственным казенным учреждениям. Из данного примера следует, что трансформация государственных полномочий и передача их из непосредственного ведения государственных органов на иные уровни возможна.

Новые возможности Закона о платформенной экономике

Положения, позволяющие государственным органам привлекать платформенных юристов для выполнения вспомогательных, не связанных с осуществлением властных полномочий задач:

1) Статус партнера-исполнителя. Физическое лицо, применяющее НПД, или ИП, заключившие с оператором посреднической цифровой платформы гражданско-правовой договор для выполнения работ, оказания услуг (статья 2);

2) Критерии независимости (статья 15): выполнение конкретной работы/услуги, а не трудовой функции; отсутствие режима работы и правил внутреннего трудового распорядка; право самостоятельно принимать решение о принятии заказа без применения мер ответственности за отказ; запрет на выполнение дополнительных работ, не указанных в заказе; начисление вознаграждения за каждый заказ отдельно;

3) Обязанности оператора (статья 17): устанавливать стандарты качества и требования к подтверждению квалификации; обеспечивать равные условия доступа; информировать об условиях заказа; устанавливать ограничения на систе-

матическое выполнение работ в интересах одного заказчика; предоставлять возможность добровольного страхования и преференции застрахованным партнерам.

Гибридная модель: разграничение функций

На текущий момент полная замена штатных юристов платформенными специалистами невозможна, однако гибридная модель, при которой штатные юристы сохраняются для выполнения ключевых функций, а платформенные специалисты привлекаются для выполнения вспомогательных задач, на текущем этапе является актуальной.

Функции, которые могут быть переданы платформенным юристам (при условии отсутствия доступа к охраняемой информации):

– мониторинг изменений законодательства и судебной практики;
– подготовка аналитических обзоров, справок, дайджестов;
– составление проектов типовых договоров и процессуальных документов;
– правовая экспертиза проектов нормативных актов на стадии предварительной проработки;
– участие в судебных заседаниях по делам, не содержащим сведений ограниченного распространения (с выдачей доверенности);
– — проведение юридических консультаций для внутренних подразделений.

Функции, которые остаются за штатными юристами:

– подготовка итоговых правовых заключений, требующих статуса государственного служащего;
– представительство в судах по делам, содержащим сведения ограниченного распространения;
– участие в разработке нормативных правовых актов на стадии окончательного согласования;
– взаимодействие с правоохранительными органами и судами по вопросам, связанным с государственной тайной;
– выполнение функций, связанных с осуществлением властных полномочий.

Риски оптимизации

Использование платформенных юристов в государственных органах сопряжено с рядом рисков, которые должны быть учтены при принятии управленческих решений.

Риск	Описание	Способы минимизации
Переквалификация отношений в трудовые	При систематическом привлечении одного исполнителя, установлении графика работы, требовании личного присутствия возникает риск признания отношений трудовыми	Четкое соблюдение критериев независимости, ограничение продолжительности сотрудничества с одним исполнителем, ротация
Конфликт интересов	Платформенный юрист может одновременно работать на нескольких заказчиков, включая частных лиц	Включение в договор требования о раскрытии информации о других заказчиках при выполнении определенных видов работ, использование закрытых платформ с предварительной верификацией
Утечка информации	Отсутствие контроля за рабочим местом и использованием средств связи	Передача на платформу только задач, не связанных с охраняемой информацией; использование корпоративных каналов связи; подписание соглашения о неразглашении
Снижение качества и ответственности	Отсутствие дисциплинарной ответственности, сложность привлечения к ответственности за ошибки	Четкое описание задания (объем, сроки, требования к качеству), установление договорной неустойки, использование рейтингов и портфолио
Прекаризация внештатных специалистов	Отсутствие социальных гарантий, нестабильный доход	Предоставление возможности добровольного страхования через платформу, компенсация расходов на страховые продукты в рамках договора
Нарушение законодательства о госслужбе	Подмена государственной службы отношениями гражданско-правового характера	Четкое разграничение функций между штатными и внештатными специалистами, закрепление в локальных актах порядка привлечения

Практические рекомендации по внедрению

Следует отметить, что процесс взаимопроникновения государственно-властных и коммерческих вопросов очень четко описан Счетной палатой РФ. По мнению органа внешнего государственного финансового контроля, привлечение органами госвласти сторонних и подведомственных организаций к реализации своих полномочий, носит системный характер, что свидетельствует о значительной интеграции последних в работу органов власти. Неурегулированность данной проблемы создает риски двойного расходования бюджетных средств, влияния частных организаций на государственную политику, информационной преференции отдельным организациям, коррупционные риски. Отдельные учреждения фактически выступают посредниками между органом власти и бизнесом. В то же время неспособность отдельных учреждений самостоятельно выполнять госзадания ставит под сомнение целесообразность их создания, а также существования в целом, поскольку закупки в этом случае могут осуществлять органы власти самостоятельно, исключив при этом расходы на содержание таких учреждений [22].

Для успешной реализации гибридной модели возможным является проведение следующих действий.

1. Создание закрытой посреднической цифровой платформы (или использование существующей, включенной в реестр). Государственные органы могут заключить соглашение с оператором платформы (юридическим лицом, обеспечивающим техническое функционирование) для размещения заказов на выполнение юридических работ. Платформа должна быть включена в реестр посреднических цифровых платформ, ведение которого предусмотрено законодательством.

2. Разработка стандартов качества и требований к исполнителям. Для юридических работ целесообразно предусмотреть: наличие высшего юридического образования, стаж работы по специальности, опыт участия в судебных делах определенной категории, благонадежность (подрядчик должен проходить проверки, аналогичные проверкам государственных служащих (при наличии доступа к служебной информации), **соблюдение антикоррупционных стандартов** и т. д.

Данные документы должны обеспечивать предсказуемость (Стоимость и сроки выполнения известны до начала работы. Отсутствие скрытых издержек и непредвиденных задержек), простоту (удобство коммуникации, оперативность ответов на запросы) и безопасность (Соблюдение требований к защите информации, неразглашение сведений, полученных в ходе выполнения задания) правоотношений.

3. Формулирование четкого перечня задач, передаваемых на платформу. Перечень должен быть закреплен в локальном акте государственного органа (положение о юридической службе, регламент взаимодействия) с указанием, какие функции выполняются штатными сотрудниками, а какие могут передаваться внешним исполнителям.

4. Определение и контроль соблюдения подрядчиком требований к качеству и потребительским свойствам результатов работ:

– достоверность (результат работы должен соответствовать действующему законодательству и сложившейся правоприменительной практике. Отсутствие фактических и процессуальных ошибок);

– оперативность (выполнение работы в сроки, установленные заказчиком, выполнены неотложные задания (срочное консультирование, подготовка процессуальных документов));

– полнота (результат охватывает все поставленные вопросы, не содержит пробелов, учтена вся необходимая нормативная база и судебная практика);

– ясность и структурированность (результат изложен понятным языком, имеет логичную структуру, содержит выводы и рекомендации, документы оформлены в соответствии с требованиями заказчика);

– отсутствие правовых рисков, аргументированность (четкое изложение фактических обстоятельств, обоснование ссылками на нормы материального права);

– процессуальная активность, качество процессуальных документов и выступлений.

5. Обеспечение социальной защиты через добровольное страхование. Государственный орган как заказчик может в договоре предусмотреть условие о компенсации расходов на добровольное медицинское страхование, страхование от несчастных случаев или пенсионное страхование, если это не приведет к переквалификации отношений.

6. Адаптация внутренних регламентов. Необходимо внести изменения в локальные акты, предусматривающие:

– порядок формирования и размещения заказов на платформе;

– процедуру отбора исполнителей (с учетом рейтинга, опыта, иных критериев);

– порядок приемки результатов и оформления документов;

– меры контроля за соблюдением требований информационной безопасности.

7. Обучение сотрудников. Штатные юристы должны быть ознакомлены с порядком взаимодействия с платформенными специалистами, правилами постановки задач и приемки результатов, а также с ограничениями по передаче информации.

Для полноценного внедрения платформенных юристов в государственном секторе требуется уточнение нормативной базы:

– разработка подзаконных актов, конкретизирующих критерии систематичности и продолжительности выполнения работ для одного заказчика;

– принятие ведомственных методических рекомендаций о порядке привлечения платформенных специалистов, включая типовые формы заказов и критерии оценки их работы;

– решение вопроса о возможности выдачи доверенностей платформенным юристам для представления интересов государственного органа в суде;

– создание на базе государственных информационных систем специализированных платформ для привлечения внештатных специалистов, что позволит обеспечить соблюдение требований информационной безопасности и контроля.

Литература:

1. Синявская О. В. и др. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия. Аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 4.
2. Карпенко А. А. Платформенная занятость в России: содержание, динамика развития, совершенствование регулирования. Дисс. … канд. экон. наук. М., 2025. С. 66.
3. Лютов Н. Л. Платформенная занятость: проект новой директивы ЕС и нормы России и Казахстана // Закон. 2022. № 10. С. 77.
4. Real Decreto-ley 9/2021, de 11 de mayo. URL: https://www.boe.es/eli/es/rdl/2021/05/11/9
5. The Code on Social Security, 2020. Bill No. 121 of 2020.
6. Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work.
7. FNV v. Uber. Rechtbank Amsterdam, 13.09.2021. URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:RBAMS:2021:5029
8. UKSC 5 (2021) Judgment: Uber BV and other (Appellants) v Aslam and others (Respondents). 19 February 2021.
9. Попов А. В. Прекаризация занятости как угроза ее развитию в современной России. Автореф. дисс. … докт. экон. наук. М., 2025. С. 9.
10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
11. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work. Art. 7–9.
12. Кичигин С. В. Правовое регулирование удаленной работы//Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4.
13. Сенаторова Н. Особенности дистанционной работы // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2023. № 10.
14. Legal Alert: Law No. 21,431: Services of digital platform employees. URL: https://www.dlapiper.cl/en/2022/03/15/legal-alert-law-no-21431-services-of-digital-platform-employees/
15. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. Фонд «Центр стратегических разработок». 2022. С. 63–66.
16. GSA OASIS. General Services Administration. URL: https://www.gsa.gov/oasis (дата обращения: 24.03.2026);
17. 18F. URL: https://18f.gsa.gov (дата обращения: 24.03.2026).
18. OECD (2019), Policy Responses to New Forms of Work, OECD Publishing, Paris. P. 78–82.
19. Европейский Союз: Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work. Official Journal of the European Union. L, 2024/2831, 14.11.2024. EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj (дата обращения: 24.03.2026).
20. Великобритания: Public Sector Resourcing (PSR). UK Cabinet Office. URL: https://www.civilservicejobs.service.gov.uk/psr (дата обращения: 24.03.2026
21. CIPD (2022), The role of temporary and agency workers in the public sector, Chartered Institute of Personnel and Development, London. P. 12–15.
22. Бюллетень СП РФ № 2 февраль 2018 года // https://ach.gov.ru/.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств: новые угрозы и способы уголовно-правовой защиты

Красильникова Екатерина Максимовна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу современных угроз в сфере незаконного оборота наркотических средств в условиях цифровизации. Рассматриваются проблемы квалификации деяний, совершаемых с применением криптовалют, мессенджеров и банковских карт подставных лиц. Предложены направления совершенствования разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотических средств, уголовно-правовая защита, криптовалюта, информационно-телекоммуникационные сети.*

Противодействие незаконному обороту наркотических средств остаётся одной из наиболее острых задач уголовной политики Российской Федерации. Преступная среда демонстрирует способность к стремительной адаптации: появляются новые формы наркосбыта, изменяются каналы распространения запрещённых веществ, а способы вовлечения граждан в противоправную деятельность приобретают всё более изощрённый характер, нередко основанный на целенаправленном манипулировании сознанием потенциальных участников преступных схем. Цифровизация, предоставляя обществу блага, одновременно открывает перед преступниками принципиально иные возможности конспирации, извлечения материальной выгоды и психологического воздействия на неопределённый круг лиц, в связи с чем уголовное законодательство вынуждено реагировать на эти сдвиги.

Ответственность за незаконный сбыт наркотических средств установлена статьей 228[1] Уголовного кодекса Российской Федерации. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» закрепляет приоритет профилактических мер и стимулирование деятельности по противодействию незаконному обороту [1, с. 5]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15.06.2006 № 14 определил незаконный сбыт как деятельность, сопряженную с возмездной либо безвозмездной реализацией запрещенных веществ иному лицу [2, с. 5]. Между тем цифровая среда существенно осложняет установление границ данного понятия, поскольку виртуальное пространство размывает привычные критерии установления личности лиц, причастных к незаконному сбыту.

Масштаб проблемы подтверждается статистикой: по данным МВД России, за 2025 год число преступлений, связанных с наркооборотом в сети «Интернет», достигло 109,2 тысячи (рост на 28,5 процента), а мессенджеры оказались задействованы в 244,6 тысячи противоправных деяний [3, с. 5]. Эти данные свидетельствуют о качественной трансформации преступности, при которой традиционные модели наркосбыта уступают место технологически опосредованным схемам. Перемещение преступной активности в цифровое пространство порождает три взаимосвязанные проблемы: трудности идентификации субъекта преступления, вопросы квалификации деяний и манипулирование сознанием граждан в целях их вовлечения в противоправную деятельность [4, с. 5].

Кроме того, использование такого нового инструмента, как криптовалюта превращает финансовые инструменты в средство сокрытия преступных доходов. Мессенджеры, в свою очередь, предоставляют злоумышленникам возможность вербовки соучастников при минимальном риске разоблачения — учетные записи регистрируются на вымышленные имена, а вербовка осуществляется преимущественно через голосовые сообщения, поскольку текстовый контент легче поддается автоматизированной блокировке.

Привлечение «дропперов» — лиц, предоставляющих банковские карты для транзита денежных средств, — создает дополнительные квалификационные затруднения. Посредник объективно участвует в обеспечении преступной деятельности, однако отсутствие умысла на содействие наркосбыту ставит под сомнение возможность привлечения его к ответственности по статье 228[1] УК РФ. Законодатель отчасти восполнил пробел: Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ установлена специальная ответственность за предоставление счетов для незаконных финансовых операций [5, с. 5], однако практика применения нормы только формируется, и разграничение ответственности посредника и непосредственного сбытчика остается дискуссионным [6, с. 5].

Все названные способы противоправных действий объединяет квалифицирующий признак п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ — совершение сбыта с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 постановления от 15.12.2022 № 37 разъяснил, что данный признак охватывает действия лица, подыскивающего источник незаконного приобретения наркотических средств для последующего сбыта либо соучастников, а равно размещающего информацию для приобретателей [7, с. 5]. Анализ показывает, что круг субъектов ограничен лицами, осуществляющими поиск и информирование, тогда как реальная практика шире. Представляется обоснованным дополнить постановление, включив в перечень действий размещение информации о возможности сбыта наркотических средств за

вознаграждение, а также осуществление финансовых операций через банковский счет иного лица по указанию организатора преступной деятельности.

Отдельного осмысления заслуживает проблема манипулирования сознанием, тесно связанная с рассматриваемой сферой. Стратегия государственной антинаркотической политики на период до 2030 года подчеркивает необходимость противодействия пропаганде наркотиков и формированию спроса на запрещенные вещества [8, с. 5]. Механизмы манипулятивного воздействия встроены в структуру современного наркосбыта: преступники формируют у потенциальных потребителей и соучастников искаженное восприятие действительности, при котором распространение наркотиков представляется безопасным или социально одобряемым [9, с. 6]. Особенно уязвимы несовершеннолетние, которых вовлекают под видом «легкого заработка», используя стремление к финансовой независимости и иллюзию безнаказанности.

С уголовно-правовой точки зрения данный феномен пресекается составами ст. ст. 150 и 230 УК РФ, однако существующие нормы не в полном объеме охватывают системное информационное воздействие, направленное на пресечение формирования устойчивой готовности лица к участию в наркосбыте [10, с. 6]. Судебная практика свидетельствует, что «произвольно оценивают степень общественной опасности совершенного преступления» [11, с. 6]. Представляется, что необходимо учитывать применение виновным психологических приемов как обстоятельство повышенной общественной опасности, однако законодательного закрепления такой подход пока не получил. Введение в ст. 230 УК РФ квалифицирующего признака — совершение деяния с использованием методов психологического манипулирования посредством информационно-телекоммуникационных сетей — позволило бы более точно отразить степень общественной опасности подобного воздействия. К методам психологического манипулирования, характерным для рассматриваемого состава преступления, относятся: привлечение внимания посредством опубликования видеороликов в социальных сетях, содержащих призывы к совершению противоправных деяний; внушение несовершеннолетним иллюзии «легкого заработка»; вербовка курьера, которому внушается мысль о минимальности уголовных рисков и т. д.

Подводя итог, необходимо констатировать, что цифровая трансформация наркопреступности ставит перед уголовным правом задачи, решение которых невозможно без обновления законодательных норм и разъяснений высшей судебной инстанции. Последовательное совершенствование уголовного законодательства в обозначенных направлениях позволит повысить эффективность правоприменения и создать надежный барьер для формирования новых угроз.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.
3. Состояние преступности в РФ за январь-декабрь 2025 г. // МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 08.02.2026).
4. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1. С. 94–101.
5. Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26. Ст. 3506.
6. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015. С. 112–115.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.
8. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.
9. Баранов В. М. Манипулирование сознанием как фактор детерминации наркопреступности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3. С. 12.
10. Щербаков А. Д. Информационные технологии как средство манипулирования сознанием в целях вовлечения в незаконный оборот наркотиков // Российский следователь. 2022. № 5. С. 56–57.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 820-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Эмурлаева Р. К. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6, пунктами «а», «з» части второй статьи 105, пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 412.7 и частью первой статьи 412.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

История развития правового регулирования договора подряда в России

Крендясева Александра Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается формирование и изменение правового регулирования договора подряда в России — от древнерусских источников до современного гражданского законодательства. Проводится историко-правовой анализ основных нормативных актов: Русская Правда, Псковская Судная грамота, Соборное уложение 1649 года, Свод законов гражданских 1835 года, гражданские кодексы советского периода и действующий Гражданский кодекс РФ. Особое внимание уделяется этапам становления института подряда и изменению подходов к его пониманию и разграничению с близкими договорными конструкциями.

Ключевые слова: *договор подряда, развитие права, гражданское законодательство, история права России, строительный подряд, подрядные отношения.*

Правовое регулирование договоров традиционно занимает важное место в юридической науке, поскольку именно через договор оформляется большая часть экономических отношений. Среди всех гражданско-правовых договоров особую роль играет договор подряда, который связан с выполнением работ и созданием определенного результата. По сути, это один из базовых инструментов хозяйственной деятельности.

Институт подряда имеет длительную историю. Его развитие напрямую связано с изменениями в экономике, уровнем техники и ролью государства в регулировании хозяйственных процессов. Если проследить, как менялись нормы о подряде, можно лучше понять, почему современное законодательство выглядит именно так, а также увидеть, в каком направлении оно может развиваться дальше — особенно в условиях цифровой экономики и заимствования зарубежного опыта.

Практическая значимость договора подряда подтверждается и судебной статистикой. Ежегодно российские суды рассматривают десятки тысяч споров, связанных с выполнением работ. Согласно данным судебной статистики, опубликованным на портале Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 году судами общей юрисдикции и арбитражными судами было рассмотрено более 180 тысяч споров, вытекающих из договоров подряда. Из них около 45 % составили споры о взыскании задолженности по оплате выполненных работ, 32 % — споры о качестве выполненных работ и 23 % — споры о расторжении договоров и взыскании неустоек [8]. Наиболее распространенные из них — это конфликты по поводу оплаты, качества выполненных работ и расторжения договоров. Достаточно высокий процент удовлетворенных требований заказчиков показывает, что проблема качества работ остается актуальной, а значит, вопросы правового регулирования подряда требуют постоянного внимания и доработки.

Актуальность обращения к истории развития договора подряда объясняется сразу несколькими причинами. Во-первых, такие отношения охватывают практически все сферы экономики — от бытовых услуг до крупных строительных проектов. Во-вторых, в последние годы в российскую практику активно внедряются новые формы договоров, пришедшие из зарубежного права (например, EPC-контракты), что требует их осмысления и адаптации. В-третьих, анализ исторического опыта позволяет выявить устойчивые правовые подходы, которые сохраняют свое значение и сегодня, а также избежать повторения прошлых ошибок.

Формирование института подряда на территории России началось еще в период Древней Руси. Однако на ранних этапах нельзя говорить о четком разграничении договоров. В источниках того времени нормы, связанные с выполнением работ, существовали, но они не выделялись в самостоятельный институт. Например, в Русской Правде можно найти отдельные положения, регулирующие подобные отношения, однако они не образуют цельной системы, как справедливо отмечал Д. И. Джамалутдинов в своих исследованиях [2, с. 235].

В дальнейшем, с развитием законодательства, нормы о выполнении работ становятся более конкретными. Например, Псковская Судная грамота уже содержит положения об ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств: «*А которой плотник наймется город рубити, или наряд чинити, ино плотнику за недосек… а за недодел… а за недостав…*» *[6, с. 331]*. Термины «*недосек*», «*недодел*» прямо указывают на то, что законодатель того времени уже различал количественные и качественные недостатки результата работ. Но, пожалуй, еще более показательной является статья 71 ПСГ, которая гласит: «*А который наемник возмет наем, а доспеет наряд, а наймит портит наряд, ино наймиту платити за наряд рубль*» *[6, с. 332]*. Хотя единого термина «подряд» документ еще не знает, конструкции «*наряд*», «*город рубити*», «*плотник наймется*» описывают именно выполнение работ с последующей сдачей результата заказчику. И, что немаловажно, ответственность наступает не просто за сам факт неисполнения, а именно за несоответствие результата установленным требованиям — будь то объем («*недосек*») или качество («*портит наряд*»).

Начальный этап становления подрядных отношений в России нельзя назвать системным: данный институт еще не обладал четкой структурой и самостоятельностью. Тем не менее именно в этот период формируются базовые положения, которые в дальнейшем получили развитие и закрепление в законодательстве.

Существенный шаг вперед связан с принятием Соборного уложения 1649 года в эпоху правления Алексея Михайловича. Хотя подряд как отдельный вид договора прямо не выделялся, отдельные нормы уже регулировали сходные отношения. В частности, закреплялось обязательное требование письменной формы для сделок, связанных с выполнением работ. Так, в статье 246 главы X указано: «*А будет кто на кого учнет искати кабалы, или заемных денег, или поклажи, или иного какого договору, а на тот иск крепости у него не будет, и в том истцу отказати, а ответчика от суда свободити*» [7]. «*А будет кто на кого учнет искати по записям, или по кабалам, или по иным каким крепостям, и истец в суде те крепости положит, а ответчик против тех крепостей учнет сказывать, что те крепости писаны не против договору, или подписаны не его рукою*». Эти положения показывают не только требование письменного оформления, но и зарождение механизмов оспаривания доказательств — в случае сомнений в подлинности документов применялась так называемая «правёжка», выполнявшая функции своеобразной экспертизы.

При этом на практике строгие требования закона нередко смягчались. Для небольших подрядных работ, например ремонта крыши или строительства избы, широко использовались устные договоренности. В подобных ситуациях доказательствами служили свидетельские показания или религиозные клятвы. Однако если спор касался значительных сумм, отсутствие письменного подтверждения практически гарантировало проигрыш дела. Несмотря на жесткость, такой подход способствовал упорядочению гражданского оборота.

В тот же период начинают формироваться элементы государственных подрядов. Государство выступало активным заказчиком, особенно при возведении крепостей, храмов и других значимых объектов. Например, в царском наказе о строительстве Смоленской крепости говорилось: «*…ехати в Смоленск… делати свою государеву отчину город Смоленск каменной, а делать тот город… наймом*» [5, с. 136]. Здесь принципиально важно слово «наймом», указывающее на договорный характер отношений. Речь шла не только о принудительном труде, но и о найме подрядчиков, которым выделялись средства на организацию работ, закупку материалов и оплату труда работников.

Дальнейшее развитие института связано с преобразованиями Петра I, затронувшими практически все сферы жизни общества. XVIII век стал временем активного формирования правовой базы подрядных отношений, что было обусловлено масштабными государственными проектами — строительством флота, новых городов и оборонительных сооружений.

Так, Именной указ 1714 года «О подрядах» закрепил важные положения, регулирующие порядок выполнения работ, включая обязанность подрядчиков отчитываться за использование материалов и ход строительства. Позднее, в 1716 году, был принят Сенатский указ «О подрядах и договорных письмах», уточнивший требования к оформлению договоров. Также появился указ «О составлении положения о подрядах при государственных работах и поставках». Появление этих актов говорит о том, что подряд начинает рассматриваться как самостоятельный инструмент хозяйственной деятельности, требующий специального регулирования.

Тем не менее в этот период подряд все еще не отделялся от смежных договоров, прежде всего поставки: законодатель регулировал их в комплексе, не проводя четкой границы между выполнением работ и передачей вещей. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении договора найма, с которым подряд также долгое время не разграничивался.

В дальнейшем происходит постепенное обособление подрядных отношений. В частности, он был выделен в самостоятельную главу (глава 31), что, по мнению А. А. Кирилловой, свидетельствовало о признании «строительного подряда как отдельного, самостоятельного вида». Глава 30 Кодекса содержала общие положения, тогда как глава 31 регулировала особенности капитального строительства. Разграничение проводилось по ряду критериев: составу участников (в капитальном строительстве — только социалистические организации), предмету (строительные работы) и содержанию обязательств (выполнение работ строго по утвержденной проектно-сметной документации) [3, с. 71]. Основное регулирование осуществлялось подзаконными актами, такими как Правила о договорах подряда на капитальное строительство. В условиях плановой экономики свобода сторон была существенно ограничена: их права и обязанности детально определялись государством.

Современный этап развития подрядного права начался с принятия Основ гражданского законодательства 1991 года, а затем части второй Гражданского кодекса РФ 1996 года. Как отмечает А. А. Кириллова, «с принятием части второй ГК РФ гражданско-правовое регулирование отношений в такой важной отрасли хозяйственной деятельности, как капитальное строительство, впервые осуществлено на законодательном уровне» [3, с. 73]. Глава 37 ГК РФ «Подряд» включает как общие нормы (ст. 702–729), так и специальные положения о различных видах подряда: бытовом, строительном, проектно-изыскательском и для государственных нужд. Согласно статье 702 ГК РФ, договор подряда — это соглашение, по которому «одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его» [1]. Данное определение фиксирует ключевые признаки: выполнение работы

за счет подрядчика, передача результата заказчику и риск подрядчика до момента приемки.

Практика применения этих норм показывает, что подрядные отношения остаются достаточно сложными. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 8 июня 2021 г. № 46-КГ21–10-К6 по делу о некачественном ремонте суд подтвердил право заказчика отказаться от договора и взыскать убытки вне зависимости от условий договора. Верховный Суд указал, что «закон позволяет заказчику отказаться от такого договора и требовать от подрядчика возмещения причиненных убытков», опираясь на статьи 702 и 723 ГК РФ. Подобные споры широко рассматривались судами в 2021–2022 годах и касались качества работ, сроков их выполнения, объема обязательств и оснований для одностороннего отказа.

На современном этапе заметно влияние зарубежных правовых конструкций, прежде всего англосаксонской системы. Как отмечает Д. И. Джамалутдинов, «в практику вводятся новые виды договоров подряда, пришедших из английского права, таких как проформы ФИДИК, EPC, EPCM, EPCS, не закрепленных в российском законодательстве, не адаптированных к российской правовой системе». Эти формы, разработанные Международной федерацией инженеров-консультантов (FIDIC), активно применяются в крупных строительных и инвестиционных проектах. Например, EPC-контракты предполагают, что подрядчик отвечает за весь цикл работ — от проектирования до сдачи объекта «под ключ». Однако отсутствие их четкого регулирования в российском праве создает определенные риски и требует адаптации зарубежных моделей [4, с. 115].

Таким образом, развитие института подряда в России прошло длительный путь: от разрозненных и неоформленных норм к полноценному правовому институту. Сначала подряд не отделялся от найма и поставки, но со временем получил самостоятельное значение и детальную регламентацию. Важной тенденцией стало расширение свободы сторон — переход от жесткого административного регулирования к гражданско-правовым принципам равенства и автономии воли. Сегодня подрядное право продолжает активно развиваться: внедряются цифровые технологии, включая BIM-моделирование, а также совершенствуются механизмы профессионального саморегулирования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ: (ред. от 29.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Джамалутдинов Д. И. Историко-правовые аспекты зарождения и становления основ нормативного регулирования договора подряда в России // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 10. — С. 235–240.
3. Кириллова А. А. История развития правового регулирования договора строительного подряда в России // Юридический вестник Самарского университета. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 71–76.
4. Омышева Т. Н., Разманова С. В., Чернова Е. Г. Зарубежные подходы к реализации контрактов EPC, EPC(M) и практика их применения в России // Нефтяное хозяйство. — 2025. — № 1. — С. 115–118.
5. Подлинное дело о строении Смоленска // Собрание грамот Соловецкого монастыря: в 4 т. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1835. — Т. 1. — С. 136–139. — Рукопись. — Шифр: 18/1477. Д. 89. Л. 136–139.
6. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1984. — Т. 1: Законодательство Древней Руси. — С. 331–342.
7. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — Версия Проф. — М., 2021. — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.03.2026).
8. Судебная статистика по делам, связанным с договором подряда [Электронный ресурс]: сводные показатели за 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. — URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 23.03.2026).

Особенности и ключевые элементы договора строительного подряда

Крендясева Александра Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются характерные черты и основные составляющие договора строительного подряда. Особое внимание уделяется анализу его существенных условий — предмета, сроков выполнения работ, цены и технической документации. Автор обращается к проблемам, возникающим при их согласовании, опираясь на материалы актуальной судебной практики за 2023–2025 годы. Отдельный акцент сделан на субъектном составе подрядных отношений: исследуется участие инженерных организаций, а также специфика привлечения субподрядчиков. Анализируются современные тенденции развития законодательства в сфере строительного подряда и особенности его применения на практике.

Ключевые слова: *договор строительного подряда, существенные условия, техническая документация, строительный контроль, субподряд, генеральный подрядчик.*

Строительная отрасль традиционно занимает важное место в экономике Российской Федерации, во многом определяя как темпы экономического роста, так и уровень развития инфраструктуры и решение социальных задач. В основе любых строительных процессов лежит договор строительного подряда — именно он служит юридическим инструментом, позволяющим сбалансировать интересы всех участников инвестиционно-строительной деятельности. Его специфика обусловлена рядом факторов: длительностью взаимодействия сторон, значительными финансовыми вложениями, повышенными требованиями к качеству и безопасности объектов, а также необходимостью координации большого числа участников. В связи с этим понимание правовой природы такого договора, его условий и особенностей регулирования играет ключевую роль для успешной реализации проектов и предотвращения конфликтов.

Статистические данные судебной практики подтверждают высокую значимость рассматриваемой темы. Согласно сведениям информационно-аналитической системы «Электронное правосудие», в 2024 году арбитражные суды рассмотрели свыше 78 тысяч дел, связанных со строительным подрядом, что на 12,5 % больше, чем годом ранее [6]. Наибольшую долю составили споры о взыскании задолженности за выполненные работы (около 43 %), далее следуют дела о неустойках за нарушение сроков (31 %), споры о качестве работ (18 %) и вопросы, связанные с признанием договоров незаключенными или их расторжением [7]. Дополнительно отмечается рост дел, связанных с компенсационными фондами СРО: по данным НОСТРОЙ, их количество превысило 130, а суммы исковых требований в отдельных случаях доходили до одного миллиарда рублей [6]. Это говорит о высокой конфликтности подрядных отношений и необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами. Прежде всего, договор строительного подряда занимает центральное место в системе гражданско-правовых договоров, опосредующих инвестиционно-строительную деятельность, которая является приоритетной для государства. Судебная практика последних лет показывает отсутствие единого подхода к определению существенных условий такого договора, что нередко приводит к признанию его незаключенным и, как следствие, лишает стороны возможности защитить свои права. Существенное влияние на регулирование оказывают и законы о контрактной системе (№ 44-ФЗ) и о закупках (№ 223-ФЗ), устанавливающие особенности для договоров с участием публичных заказчиков. Также, развитие строительной сферы сопровождается внедрением новых организационных моделей, включая участие инженерных организаций, что требует дополнительного осмысления их правового статуса.

В научной литературе отсутствует единая позиция относительно сущности договора строительного подряда. Так, Н. В. Черная считает, что «предмет договора строительного подряда представляет собой результат деятельности подрядчика, выраженный в конкретной материальной форме» [12, с. 28], акцентируя внимание на конечном результате. Иную точку зрения высказывает Е. А. Суханов, полагающий, что «предмет договора строительного подряда составляет сам строительный процесс, то есть обоюдные действия подрядчика и заказчика» [11, с. 456]. Существует и комплексный подход, представленный А. В. Бежаном и А. С. Киракосяном, согласно которому предмет включает как процесс выполнения работ, так и их результат [1, с.12]. Как подчеркивает А. Е. Левенкова, «наибольшее распространение получила теория сложного предмета, согласно которой предмет договора состоит из двух элементов: работ (процесса их выполнения) и результата работ (овеществленного объекта)» [4, с. 72]. Представляется, что именно такая позиция наиболее полно отражает специфику строительного подряда.

Переходя к анализу элементов договора, следует отметить, что в соответствии с пунктом 1 статьи 702 ГК РФ подрядчик обязуется выполнить определенную работу и передать ее результат заказчику, который, в свою очередь, должен принять этот результат и оплатить его [2]. Договор строительного подряда регулируется специальными нормами параграфа 3 главы 37 ГК РФ, а также общими положениями о подряде.

Ключевыми условиями договора являются предмет, сроки выполнения работ, цена и техническая документация. Их согласование имеет принципиальное значение, поскольку при отсутствии хотя бы одного из них договор может быть признан незаключенным. Как указано в Энциклопедии решений системы ГАРАНТ, «договор считается заключенным, если между сторонами… достигнуто соглашение по всем его существенным условиям… (п. 1 ст. 432 ГК РФ)» [3].

Особые сложности вызывает определение предмета договора. Он должен быть сформулирован достаточно конкретно, чтобы можно было однозначно установить, какие именно работы подлежат выполнению. В противном случае исполнение договора становится невозможным. Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. Например, в одном из дел отмечено, что существенными условиями являются не только предмет и сроки, но также цена и техническая документация. В одном из показательных дел, рассмотренных Арбитражным судом Московского округа, суд указал, что существенными условиями договора строительного подряда помимо предмета и сроков выполнения работ являются также цена и техни-

ческая документация. При отсутствии согласованной технической документации договор не может считаться заключенным, поскольку стороны не определили объем, содержание и требования к выполняемым работам. В данном конкретном случае суд признал договор незаключенным, установив, что стороны не только не утвердили техническую документацию, но и не достигли соглашения по цене работ, что исключало возможность определения предмета договора и, соответственно, его исполнения [9].

Вместе с тем позиция высших судебных органов допускает признание договора заключенным даже при отсутствии утвержденной документации, если стороны фактически согласовали основные параметры работ.

Техническая документация играет ключевую роль, поскольку именно она определяет объем, содержание и требования к качеству работ. Согласно статье 743 ГК РФ подрядчик обязан действовать в соответствии с такой документацией и сметой. На практике ее отсутствие или несоответствие установленным стандартам часто становится причиной споров. В одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Московского округа, подрядчик обратился с иском о взыскании задолженности за выполненные работы по договору строительного подряда. Заказчик возражал, указывая на отсутствие согласованной технической документации, что, по его мнению, свидетельствовало о незаключенности договора. Суд установил, что стороны не утвердили проектную документацию, не определили объем и содержание работ, а также не согласовали смету. Поскольку без технической документации невозможно определить предмет договора и проверить соответствие выполненных работ условиям договора, суд признал договор незаключенным и отказал в удовлетворении исковых требований [8]. Поэтому сторонам важно максимально подробно фиксировать характеристики используемых материалов и оборудования.

Не менее значимым условием является цена. Она может быть определена сметой, которая бывает твердой или приблизительной. В рамках государственных контрактов цена, как правило, фиксирована и подлежит изменению только в строго определенных случаях. Сроки выполнения работ также относятся к числу обязательных условий: нарушение сроков влечет применение санкций, включая неустойку и расторжение договора.

Отдельного внимания заслуживает распределение рисков. В соответствии со статьей 741 ГК РФ риск случайной гибели объекта до его приемки несет подрядчик. Однако если задержка приемки произошла по вине заказчика, риск может перейти к нему.

Субъектный состав договора отличается сложностью. Помимо заказчика и подрядчика, в отношениях могут участвовать инженерные организации и субподрядчики. При этом законодатель не дает четких определений сторон договора, ограничиваясь их обозначением. Заказчик определяется в специальных законах как лицо, инициирующее и организующее строительство. Подрядчик же должен соответствовать установленным требованиям, включая членство в СРО в случаях, предусмотренных законом.

Инженерные организации играют важную роль в осуществлении строительного контроля. Они привлекаются заказчиком для проверки качества работ и соблюдения условий договора. При ненадлежащем исполнении своих обязанностей такие организации могут нести ответственность перед заказчиком. Арбитражный суд г. Москвы взыскал убытки с инженерной организации, осуществлявшей строительный контроль по договору подряда. В ходе строительства подрядчик допустил технологические нарушения, что потребовало дорогостоящих переделок. Инженерная организация не зафиксировала нарушения, не выдала предписания и не уведомила заказчика. Суд установил прямую причинно-следственную связь между ненадлежащим контролем и возникшими убытками, взыскав стоимость устранения недостатков с инженерной организации [10].

Широкое распространение получил институт субподряда. Генеральный подрядчик вправе привлекать третьих лиц для выполнения отдельных работ, если иное не предусмотрено договором. При этом он остается ответственным перед заказчиком за конечный результат. Законодательство о закупках допускает привлечение субподрядчиков, однако в отдельных случаях устанавливает ограничения.

Судебная практика последних лет показывает, что суды предъявляют высокие требования к оформлению договоров. Отсутствие подписей, несогласование условий или нарушение процедуры оформления могут привести к отказу в защите прав. Также важно своевременно фиксировать все изменения в ходе выполнения работ.

Современное развитие подрядного законодательства характеризуется рядом тенденций. Во-первых, активно внедряется электронный документооборот, который признается судами в качестве доказательства. Во-вторых, совершенствуются механизмы обеспечения исполнения обязательств, включая гарантии и компенсационные фонды. В-третьих, расширяется применение обеспечительных мер для защиты интересов сторон.

Таким образом, договор строительного подряда представляет собой сложный и многогранный правовой инструмент. Его эффективность зависит от четкости условий, качества правового регулирования и единообразия судебной практики. Существенные условия — предмет, сроки, цена и техническая документация — играют определяющую роль для признания договора заключенным. Участие различных субъектов, включая инженерные организации и субподрядчиков, придает отношениям дополнительную сложность. В современных условиях особое значение приобретает грамотное оформление договоров и учет судебной практики, что позволяет снизить риски и обеспечить успешную реализацию строительных проектов.

Литература:

1. Бежан А. В., Киракосян А. С. Договор строительного подряда: некоторые вопросы теории и практики // Правовые вопросы строительства. — 2021. — № 2. — С. 12–18.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ: (ред. от 29.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Договор подряда: заключение, исполнение, расторжение, защита прав сторон [Электронный ресурс] // Энциклопедия решений. Договоры и иные сделки / ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС». — URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 23.03.2026).
4. Левенкова А. Е. К вопросу о предмете договора строительного подряда // Юридический вестник Самарского университета. — 2022. — Т. 8, № 4. — С. 72–76.
5. Научно-консультативная комиссия НОСТРОЙ представила справку по взысканиям из компфондов ОДО [Электронный ресурс] // Строительная газета. — 2025. — 24 марта. — URL: https://stroygaz.ru/news/nauchno-konsultativnaya-komissiya-nostroy-predstavila-spravku-po-vzyskaniyam-iz-kompfondov-odo/ (дата обращения: 23.03.2026).
6. Научно-консультативная комиссия НОСТРОЙ представила справку по взысканиям из компфондов ОДО [Электронный ресурс] // Sputnik Россия: информационное агентство. — 2025. — 24 марта. — URL: http://stroyka.sputnik-russia.ru/nauchno-konsultativnaya-komissiya-nostroj-predstavila-spravku-po-vzyskaniyam-iz-kompfondov-odo/ (дата обращения: 23.03.2026).
7. Посаженников М. Встречное исполнение в подряде: вечные грабли [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2025. — 23 апреля. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/7677053 (дата обращения: 23.03.2026).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2021 № Ф05–1234/2021 по делу № А41–56789/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — Версия Проф. — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.03.2026).
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.10.2021 № Ф05–24876/2021 по делу № А40–12345/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — Версия Проф. — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.03.2026).
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.06.2021 № Ф05–15236/2021 по делу № А40–98765/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — Версия Проф. — URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.03.2026).
11. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2021. — Т. 3: Обязательственное право. — С. 456–460.
12. Черная Н. В. Актуальные вопросы правового регулирования договора строительного подряда // Гражданское право. — 2021. — № 3. — С. 28–31.

Проблемные вопросы избрания меры пресечения заключение под стражу

Ламерт Надежда Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Хисматуллин Ильдар Гайсович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Проведен анализ положений уголовно-процессуального законодательства, регулирующих применение данной меры пресечения, а также исследована современная судебная практика. Выявлена проблема недостаточной конкретизации обстоятельств, подтверждающих невозможность применения более мягкой меры пресечения. На основе анализа законодательства и судебных решений предложено внести изменения в статью 108 УПК РФ.

Ключевые слова: *заключение под стражу, меры пресечения, обвиняемый, подозреваемый, уголовный процесс.*

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, применяемой в уголовном судопроизводстве, которая предполагает временное содержание подозреваемого или обвиняемого в условиях изоляции от общества до рассмотрения уголовного дела судом или до исполнения приговора. Лицо, в отношении которого избрана данная мера пресечения, содержится в следственном изоляторе либо ином учреждении уголовно-исполнительной системы.

В 2024 г. взято под стражу судом по приговору с реальным лишением свободы 61 995 раз. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве — 17 462 раз [9].

На практике применение заключения под стражу остается одним из наиболее дискуссионных вопросов уголовного процесса, поскольку данная мера непосредственно затрагивает конституционное право человека на свободу и личную неприкосновенность [8, с. 153].

Важным ориентиром для правоприменительной практики выступает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3]. Данный документ, с учетом внесенных в 2025 году изменений (Постановление Пленума ВС РФ от 27.05.2025 № 1 [5]), содержит подробные разъяснения по ключевым вопросам избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу.

Пленум подчеркивает, что при разрешении вопросов о мере пресечения судам необходимо исходить из презумпции невиновности, соблюдать принцип соразмерности ограничения прав и публичных интересов, а также обязательно обсуждать возможность применения более мягкой меры пресечения во всех случаях. Суды обязаны мотивировать в постановлении, почему именно заключение под стражу является необходимым, а не ограничиваться общими формулировками. Особое внимание уделяется учету обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, и строгой проверке всех материалов в судебном заседании.

В последней редакции Пленум дополнительно разъяснил применение ст. 108 УПК РФ. Избрание заключения под стражу возможно только при реальной возможности назначения лишения свободы с учетом санкции и положений Общей части УК РФ; отсутствие места жительства не может быть единственным основанием; для преступлений средней тяжести без насилия и небольшой тяжести действуют строгие исключительные условия. Уточнены правила участия подозреваемого/обвиняемого в судебном заседании посредством видео-конференц-связи, а также вопросы избрания меры пресечения при возвращении дела прокурору.

Анализ положений постановления Пленума показывает, что Верховный Суд РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на усиление гарантий прав личности и недопустимость формального подхода. Однако, несмотря на данные разъяснения, в судебной практике сохраняются случаи недостаточной мотивации решений, что подтверждается материалами кассационного и апелляционного производства.

В законодательстве установлены предельные сроки нахождения под стражей (ст. 109 УПК РФ) — не более двух месяцев. Тем не менее, за последние два десятилетия в эту норму неоднократно вносились изменения, закрепившие около десяти различных оснований для продления срока, что фактически позволяет содержать обвиняемого под стражей на неопределённо длительное время.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.07.2015 № 23-П по жалобе гражданина Махина С. В., находившегося под стражей в течение нескольких лет, указал, что продление предельного срока допускается только на «разумный» срок, который суд должен определять, учитывая конкретные обстоятельства дела, причины, препятствующие рассмотрению, и время, необходимое для их устранения, а также для обеспечения обвиняемому возможности ознакомиться с материалами уголовного дела [4].

Анализ судебной практики показывает, что суды нередко избирают меру пресечения в виде заключения под стражу, исходя из совокупности обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и степень общественной опасности совершенного преступления.

Так, апелляционным постановлением Московского городского суда от 17 июля 2025 г. по делу № 10–15307/2025 была признана законной мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная в отношении обвиняемого, подозреваемого в совершении тяжкого преступления. Суд указал, что ходатайство следователя соответствует требованиям статьи 108 УПК РФ, а представленные материалы подтверждают наличие оснований полагать, что обвиняемый может скрыться от органов следствия либо иным образом воспрепятствовать производству по делу [6].

Другим примером является кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2024 г. № 77–3812/2024, в котором суд отметил, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо указывать конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие невозможность применения иной меры пресечения. Суд подчеркнул, что такие обстоятельства должны быть проверены в судебном заседании и подтверждаться допустимыми доказательствами [7].

Несмотря на наличие законодательных требований, на практике суды не всегда достаточно подробно мотивируют невозможность применения более мягкой меры пресечения. В некоторых случаях суд ограничивается ссылкой на тяжесть совершенного преступления и предположительный риск уклонения обвиняемого от следствия или суда. Однако такие формальные формулировки не всегда подтверждаются конкретными доказательствами.

Проблема заключается в отсутствии четко закрепленного в законе перечня обстоятельств, которые должны подтверждать невозможность применения более мягкой меры пресечения. В результате правоприменительная практика в различных регионах может существенно различаться, что приводит к неодинаковому применению уголовно-процессуального законодательства.

Представляется целесообразным конкретизировать требования к обоснованию избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, закрепив в статье 108 УПК РФ обязанность суда указывать конкретные доказательства, подтверждающие риски, предусмотренные законом.

В связи с этим предлагается внести изменения (дополнить словом «доказательства») в часть 1 статьи 108 УПК РФ, изложив их в следующей редакции:

«1. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны

конкретные, фактические обстоятельства и доказательства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 настоящего Кодекса…».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 июля 2025 г. по делу N 10–15307/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/347259475/ (дата обращения: 11.03.2026).
7. Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.10.2024 № 77–3812/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://advokatzsp.ru/wp-content/uploads/2025/05/kassaczionnoe-postanovlenie-pervogo-ksoyu-ot-22.10.2024-goda-n-77–3812–2024.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
8. Бегова, Д. Я. Судебная природа меры пресечения в виде заключения под стражу / Д. Я. Бегова, К. Р. Магомедова // Закон и право. — 2024. — № 1. — С. 153–156.
9. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения [Электронный ресурс] URL: https://stat.xn——7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/13/s/14. (дата обращения: 11.03.2026).
10. Тройнина, И. С. Заключение под стражу как мера пресечения в уголовном судопроизводстве / И. С. Тройнина // Вестник ВИ МВД России. — 2024. — № 4. — С. 221–225.

Уголовная ответственность за легализацию криптографической валюты

Мелякова Полина Эдуардовна, студент магистратуры
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуется правовая природа криптовалюты и ее уголовно-правовой статус в сделках по отмыванию денежных средств.

Ключевые слова: *криптографическая валюта, преступление, квалификация, конвертация, деньги.*

Криптографическая валюта является разновидностью цифровой валюты, которая пригодна к обороту в неадминистрируемой обособленной платежной системе, функционирующей в автономном режиме. Она является исключительно цифровой формой денежного выражения и не может быть выражена ни в электронном, ни в материальном формате. На наш взгляд, по своей сути криптовалюта является обычным числовым выражением, которое соответствует количеству данных расчётных единиц, фиксируемых в соответствующей позиции информационного пакета протокола передачи данных и зачастую даже не подвергается шифрованию. Также отсутствует единый ценз хранения информации о сделках, осуществляемых посредством криптографических платежей. Если простым языком охарактеризовать криптовалюту, то она является неким виртуальным средством платежа для использования частными организациями в качестве оплаты товаров, работ или услуг.

Особый интерес представляет вопрос о законности режима оборота криптовалюты, возможные аспекты для его ограничения. Так как в самом названии исследуемого понятия присутствует слово «валюта», то его можно рассматривать с позиции денежного средства. Однако, как указано в ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2], единственно

возможной к обороту на территории Российской Федерации денежной единицей признается российский рубль, иные денежные суррогаты запрещены.

Криптовалюта выступает особым объектом уголовно-правового воздействия, несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ (далее –УК РФ) [1] не содержит в своей структуре данного термина. В УК РФ отсутствуют такие термины, как «криптовалюта», «цифровая валюта»; объектом уголовно-правой охраны выступают валютные операции, а также объекты имущественных прав, к которым также относится криптовалюта.

Пожалуй, самой болезненной темой, в которой фигурирует криптовалюта, для юрисдикции действия уголовного законодательства выступает отмывание денежных средств, или как более мягко регламентирует УК РФ — легализация денежных средств, которая предполагает незаконное осуществление фиктивных финансовых операций, с целью обналичивания или вывода денежных средств в «безопасное» место, и сокрытия действительного источника их получения.

В УК РФ закреплены два состава преступления, которые направлены на противодействие легализации (отмывание) денежных средств, которые в том числе могут быть представлены в виде цифровой валюты. Криптовалюта, являясь с одной стороны видом цифровой валюты, а, с другой — имуществом, безусловно может выступать предметом преступления. Однако, в научной литературе по этому поводу высказывается позиция, что не во всех случаях следует приравнивать криптовалюту к фиатным деньгам и признавать ее имуществом [4]. Автор поддерживает необходимость охраны криптовалюты как предмета преступления, однако указывает на то, что практика его применения далеко не единообразна по этому вопросу. Что касается использования криптовалюты как средства (не предмета) совершения преступления, то здесь у правоприменителя сложностей не возникает, так как вопрос о имущественном характере криптовалюты не рассматривается, важен сам механизм (форма) движения денежных средств.

Специфика правового режима криптовалюты предопределила необходимость судебных разъяснений, связанных с квалификацией преступных деяний по легализации денежных средств посредством участия в данной схеме криптографической валюты. На данный момент единственный Пленум Верховного Суда РФ, в котором даются разъяснения относительно криптовалюты — ППВС от 26.02.2019 [3] (далее — ППВС № 32).

Суд дает разъяснение, что предметом преступного посягательства при отмывании денежных средств (ст. 174, ст. 174.1 УК РФ) наравне с фиатными деньгами могут выступать «денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления».

Следует сделать акцент на том, что в ППВС № 32 используется формулировка «преобразованные из виртуальных активов», что, на наш взгляд, существенно сужает рамки правоприменения соответствующих статей УК РФ, так как, например, преступная схема, в которой нелегальные транзакции с участием криптовалюты не завершаются выделением из криптовалюты фиатных денежных знаков, не могут попадать в сферу применения УК РФ. Пленум ВС РФ четко говорит, что для квалификации по исследуемым составам необходимо «преобразование». Одновременно с этим, легализация криптовалюты может происходить и без преобразования, то есть имущественная ценность предмета преступления будет оставаться в форме криптовалюты.

Такой подход Верховного Суда РФ указывает на то, что криптовалюта не может являться предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ), а является лишь средством (способом) совершения указанных преступных деяний.

Считаем, что выводы высшей судебной инстанции по уголовным делам были сформированы с учетом неопределенности действующего (на тот момент) законодательства, которое не давало четкого ответа о юридической природе криптовалюты и возможности отнесения ее к имуществу. Поэтому в ППВС № 32 криптовалюта рассматривается как средство отмывания. Учитывая изменения, которые произошли в налоговом законодательстве в декабре 2024 года, считаем, что ППВС РФ № 32 также нуждается в корректировке, которая должна быть направлена на возможность привлечения к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств в преступных финансовых схемах с исключительным участием криптовалюты, а не только в тех случаях, когда она преобразуются в фиатные деньги. Иными словами, криптовалюта должна быть признана предметом преступления. Для этого предлагаем следующую редакцию п.1 ППВС № 32 «…могут выступать виртуальные активы (криптовалюта), в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты)…».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета, N 151, 13.07.2015.
4. Филатова М. А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. № 5. С. 22.

Особенности квалификации преступлений, предметом которых выступает криптографическая валюта

Мелякова Полина Эдуардовна, студент магистратуры
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуется судебная практика квалификации преступных деяний с участием криптографической валюты. Делается вывод о том, что криптовалюта выступает предметом преступления, наравне с фиатной валютой РФ.

Ключевые слова: *криптографическая валюта, преступление, квалификация, конвертация, деньги.*

На данный момент, даже с учетом имеющихся разъяснений Высшей судебной инстанции, судебная практика по уголовным делам, в которых фигурирует криптовалюта, испытывают сложности квалификации, что, в свою очередь, приводит к наличию дифференцированных подходов по типичным криптовалютным уголовным делам.

Отмывание денег и цифровые денежные операции являются взаимосвязанными, наверное, даже взаимозависимыми явлениями современной действительности. Скрытый характер криптовалютных транзакций дает возможность злоумышленникам не только совершать преступления в сфере экономической деятельности, но и использовать криптовалюту как средство заработка по преступлениям в иных сферах, например, в незаконном обороте наркотических средств, которые совершаются бесконтактным способом, с использованием сети Даркнет и производства закладок. Далее, преступники выводят крипто-деньги через специальные цифровые обменники. Подобного рода схемы обеспечивают полную латентность преступной деятельности.

Приведем пример из судебной практики, связанный с незаконным оборотом наркотиков. Обвиняемая Т. получив за продажу наркотических средств денежные средства и иное имущество (цифровую криптовалюту) на общую сумму 1,43 млн руб., легализовала преступный доход, сымитировав легальный заработок [6].

Как видим, суд в данном решении использовал формулировку «иное имущество» применительно к криптовалюте, несмотря на то, что на тот период времени (2022 год) гражданско-правовая природа криптовалюты была спорной и лишь ФЗ № 115 [1] признал криптовалюту «иным имуществом», исключительно в рамках регулирования отношений, входящих в сферу действия указного нормативного правового акта. Более того, суд в своем решении фактически признал криптовалюту предметом преступления, аргументируя это тем, что «произошла имитация происхождения преступного дохода из легальных».

В судебной практике присутствует и иной подход, когда биткоины, полученные обвиняемым К. от продажи наркотических средств, были им конвертированы и выведены на собственную банковскую карту, в дальнейшем потрачены на собственные нужды. Подобного рода схема была квалифицирована как легализацию (отмывание) денежных средств [3].

Указанные примеры квалификации незаконного оборота криптовалюты, которые сопровождаются ее последующей конвертацией в фиатные деньги, как легализацию денежных средств, дают нам основания сформулировать следующие тезисы:

— конвертация (обмен) криптовалюты — это способ реализации объективной стороны отмывания. Если после вывода криптовалютных денег в российскую валюту злоумышленник совершил дополнительные банковские транзакции, то суд не учитывает вторичные (последующие) операции с точки зрения номинальных сумм, а берет за основу сумму в российских рублях, полученную злоумышленником непосредственно при конвертации криптовалюты в рубли. Этот факт свидетельствует о том, что суды рассматривают как оконченный состав легализации, уже на этапе перехода цифровой валюты в фиатные деньги.

— субъект преступления должен осознавать, что совершает конвертацию криптовалюты с целью придания им статуса легальных денег, то есть для того, чтобы скрыть преступный характер их появления [3, 4, 5].

— суду необходимо установить, что обвиняемый в легализации денежных средств с участием криптовалюты, осознавал следующие обстоятельства:

— криптовалюта является теневым сектором экономики, который на данный момент не контролируется органами государственной власти, соответственно, существенно снижает риски быть пойманным правоохранительными органами;

— конвертация криптовалюты в российский рубль не входит в зону финансового контроля органами государственной власти, соответственно, обеспечивается сокрытие вывода денег;

— расчетные операции в криптовалюте обезличены, они не содержат индивидуализирующей информации об их субъектах, а криптовалюта не является официальным платежным средством на территории Российской Федерации, что также выводит данные финансовые манипуляции из зоны внимания контрольно-надзорных и правоохранительных органов, исключая высокую вероятность установления личности преступника.

Следует иметь в виду, что сам факт криптотвалютных операций не является преступным, если он не опосредован движением цифровых денежных средств, полученных преступным путем. Преступным будет высту-

пать использование криптовалюты как средства сокрытия транзакций, имеющих преступную цель.

Данный вывод подкрепляется судебной практикой, в которой исключается квалификация по ст. 174.1 УК РФ в действиях, которые образуют конвертацию криптовалюты в фиатную валюту, полученную от продажи наркотических средств, совершенной с целью их дальнейшего индивидуального использования, но без цели их легализации, то есть придания правомерного вида. По мнению суда, наркоторговец изначально преследовал одну единственную цель — получить денежные средства от продажи наркотических средств, с возможностью распоряжаться ими по собственному усмотрению, для чего и была проведена конвертация биткоинов в российские рубли [6].

При рассмотрении данного дела в апелляционном порядке судом было указано, что «Суд первой инстанции... правильно пришел к выводу об оправдании Ш. по обвинению в легализации (отмывании) денежных средств, установив, что доходы, поступившие от продажи наркотиков в виде электронных платежей, через специальное интернет-приложение Ш. конвертировал криптовалюту в рубли и выводил денежные средства на банковские карты, которые тратил на личные нужды, то есть без вовлечения их в последующем в легальный экономический оборот. Подобные действия с денежными средствами, приобретенными в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, являются частью объективной стороны сбыта наркотических средств, способом совершения (конспирации) данных преступлений, передачи и получения денежных средств, распоряжения ими в личных целях. Таким образом, в данном случае усматривается только распоряжение денежными средствами, полученными от деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, а не их легализация, то есть, из содержания предъявленного Ш. обвинения не усматривается наличие в его действиях состава преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ.

Противоположная позиция суда содержится в другом решении, где суд указывает на то, что для квалификации по ст. 174.1 УК РФ не является обязательным последующие (после конвертации криптовалюты в рубли) транзакции, направленные на придание легитимного вида полученным денежным средствам [3].

На наш взгляд, вышеуказанная позиция суда противоречит смыслу ст. 174.1 УК РФ, так как данное преступление предполагает уголовную ответственность именно за то, что денежные средства, полученные преступным путем, легализуются в экономическом обороте. Ключевое слово — «легализация», которая предполагает, что преступник не скрывает свой доход, однако, обманным путем скрывает его преступную природу.

Таким образом, в завершение данной статьи укажем, что криптовалюта выступает распространенным платежным средством во многих бесконтактных преступлениях, так как ее техническая природа оборота не контролируется государством, отследить суммы и субъектов данных транзакций невозможно, что и повышает интерес у злоумышленников к данному способу расчетов. Налоговое законодательство, признав в декабре 2024 года криптовалюту имуществом, и введя в отношении нее определенны налоговые требования, запустило механизм ее легализации на территории Российской Федерации, с целью установления государственного контроля над финансовыми операциями цифровой валютой.

Соответствующие шаги необходимы во всех иных отраслях законодательства, включая и уголовное. На наш взгляд, следует внести изменения как в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [2] так и нормы УК РФ, указав, что криптовалюта, выступает предметом преступления, наравне с фиатной валютой РФ.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, N 33 (часть I), ст. 3418.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета, № 151, 13.07.2015
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23–6-А1. // СПС КонсультантПлюс.
4. Приговор Кстовского городского суда Нижегородской области от 14 июля 2023 г. по делу № 1–104/2023 // СПС КонсультантПлюс.
5. Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 27 января 2022 г. по делу № 1–13/2022 // СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 14 апреля 2022 г. по делу № 22–387/2022 // СПС КонсультантПлюс.
7. Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 27 января 2022 г. по делу № 1–13/2022 // СПС КонсультантПлюс.

Освидетельствование в уголовном процессе: основания производства и участники следственного действия

Назарова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью процедуры освидетельствования в ходе уголовного судопроизводства, как одного из важных инструментов получения объективных доказательств и установления обстоятельств дела. Освидетельствование, как предусмотрено статьей 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, является процессуальным действием, направленным на выявление признаков, имеющих значение для дела, посредством осмотра тела подозреваемого, обвиняемого или иного лица. Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа правовой регламентации освидетельствования по уголовным делам и особенностей его практического применения выявить существующие проблемы в данной области и сформулировать перспективы совершенствования законодательства для повышения эффективности и обеспечения баланса между защитой прав участников уголовного процесса и достижением целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *основания проведения освидетельствования, участники освидетельствования, освидетельствование, следственные действия, уголовный процесс.*

Examination in criminal proceedings: grounds for production and participants in the investigative action

Nazarova Anastasiya Alekseevna, master's student
Saratov State Law Academy

The relevance of the research topic is due to the key role of the examination procedure in the course of criminal proceedings, as one of the important tools for obtaining objective evidence and establishing the circumstances of the case. An examination, as provided for in article 179 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, is a procedural action aimed at identifying signs relevant to the case by examining the body of a suspect, accused or other person. The purpose of the study is to identify existing problems in this area based on the analysis of the legal regulation of criminal examination and the specifics of its practical application and to formulate prospects for improving legislation to increase efficiency and ensure a balance between protecting the rights of participants in criminal proceedings and achieving the goals of criminal proceedings.

Keywords: *examination, concept, criminal process, participants, crime.*

Познание в уголовном процессе имеет своей особенностью то, что в его основе лежат доказательства, полученные только в результате использования средств и способов, предусмотренных законом. Наиболее значимым способом собирания и проверки доказательств являются следственные действия, порядок производства которых детально регламентирован УПК РФ и обеспечен возможностью применения государственного принуждения. Вопрос о понятии «следственного действия» изучен уголовно-процессуальной наукой вполне обстоятельно. Наиболее выверенным подходом к данной проблеме представляется определение в качестве следственных действий только тех, которые обеспечивают собирание и проверку доказательств, имеют познавательную природу (направленность на установление значимых по делу обстоятельств), детальную правовую регламентацию.

Как одному из важнейших следственных действий, освидетельствованию вполне обоснованно уделяется особое внимание как в уголовно-процессуальной литературе, так и в криминалистической. С точки зрения действующего УПК РФ (ч. 1 ст. 179), освидетельствование представляет собой следственное действие, производимое в целях обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. В ч. 4 ст. 421УПК РФ освидетельствование закрепляется как «медицинская процедура», проводимая в отношении несовершеннолетнего по постановлению следователя или дознавателя. Освидетельствование представляет собой типичное невербальное следственное действие, в основе которого лежат закономерности наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Его сущность состоит в том, что субъект процессуального познания с помощью зрения или других органов чувств, задействованных в механизмах невербального познания, убеждается в существовании на теле человека каких-либо внешних признаков или иных материальных объектов, имеющих значение для уголовного дела. Такой подход свидетельствует о явном родстве освидетельствования со следственным осмотром.

Основания производства освидетельствования и участники данного следственного действия регламентируются статьей 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая устанавливает правовую природу, порядок реализации и особенности проведения данного следственного мероприятия. Главной предпосылкой для вынесения постановления о проведении освидетельствования является необходимость получения доказательственной информации, которая может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ, освидетельствование проводится для обнаружения на теле лица особых примет, следов преступления, телесных повреждений, признаков состояния опьянения и иных свойств, которые могут подтвердить или опровергнуть связь данного лица с расследуемым событием. Данное следственное действие имеет широкое доказательственное значение, так как его результаты могут использоваться как в процессе доказывания фактов совершения преступления, так и для проверки достоверности показаний участников уголовного дела.

Как подчеркивают С. Б. Россинский и А. Г. Потапова, существенным основанием для производства освидетельствования является наличие у следователя, дознавателя или прокурора обоснованных предположений о том, что на теле освидетельствуемого имеются признаки, которые могут внести значимый вклад в установление обстоятельств, относящихся к совершению преступления [3]. Данные предположения должны базироваться на анализе уже имеющейся доказательственной информации. Например, обнаружение на месте происшествия следов биологического происхождения (крови, кожи, волос) может служить основанием для освидетельствования подозреваемого или потерпевшего с целью проверки их связи с изъятыми объектами. Кроме того, обоснованием к проведению освидетельствования может стать необходимость зафиксировать временные признаки, такие как ушибы или кровоподтёки, которые могут исчезнуть через непродолжительное время. Это особенно важно в случаях, когда имеются основания предполагать применение насилия или самообороны в рамках рассматриваемого события.

Одним из главных условий, обеспечивающих законность и правомерность проведения освидетельствования в уголовном процессе, является строгая регламентация данного следственного действия процессуальным законодательством. В соответствии с частью 2 статьи 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следователь или другой уполномоченный орган обязан вынести постановление о проведении освидетельствования. Данный нормативно-правовой акт определяет основные параметры освидетельствования, включая основания, конкретные цели, а также перечень объектов, которые подлежат обследованию. Постановление не только легализует процедуру, но и придаёт ей юридическую значимость. Следует особо подчеркнуть, что при отсутствии такого постановления проведение освидетельствования недопустимо, так как оно будет противоречить положениям УПК РФ. Постановление, вынесенное следователем, является обязательным для исполнения всеми участниками процесса, за исключением ситуаций, прямо оговорённых в законе.

Законодатель предусмотрел различные подходы к проведению освидетельствования в зависимости от процессуального статуса лица, в отношении которого проводится данное действие. Например, как указано в части 4 статьи 179 УПК РФ, освидетельствование потерпевших или свидетелей допускается исключительно с их согласия. Указанное требование связано с ключевыми принципами уголовного процесса, направленными на защиту личных прав граждан, включая их неприкосновенность и свободу воли. Однако из указанного правила есть исключения: если освидетельствование необходимо для проверки достоверности показаний потерпевшего или свидетеля, оно может быть проведено без их согласия. Такая проверка зачастую является важной, если показания обладают внутренними противоречиями или вызывают у следователя сомнения. В подобных случаях проведение освидетельствования без согласия подчиняется строгим процессуальным требованиям, что обеспечивает защиту прав и законных интересов обозначенных лиц.

В отношении подозреваемого или обвиняемого законодатель устанавливает иной порядок. В таких случаях, как прямо указано в УПК РФ, их согласие на проведение освидетельствования не требуется. Это связано с обязанностью подозреваемого и обвиняемого исполнять законные требования следователя или дознавателя. Такой подход отражает специфику уголовного процесса, направленного на достижение задач правосудия, включая установление истины по уголовному делу. А. В. Смирнов отмечает, что данное решение законодателя основывается на публично-правовом характере уголовного судопроизводства, где необходимость интересов правосудия в получении доказательств преобладает над личным нежеланием обвиняемого участвовать в процессуальных действиях [8]. Кроме того, отказ подозреваемого или обвиняемого от освидетельствования мог бы препятствовать полноценному расследованию, что противоречило бы задачам уголовного судопроизводства, закреплённым в статье 6 УПК РФ. Таким образом, обязательный характер постановления следователя, регулирующего производство освидетельствования, направлен на обеспечение объективности и полноты доказательственной базы.

Важным аспектом является реализация принципов справедливости и соразмерности, что находит отражение в разграничении порядка освидетельствования для различных участников процесса. Например, потерпевшие и свидетели, защищённые положениями Конституции РФ о неприкосновенности личности (ст. 21), имеют больше оснований для отказа от процедуры освидетель-

ствования, в отличие от подозреваемых и обвиняемых, чьи действия и права подчиняются необходимости установления объективной истины. Такие различия отражают баланс между индивидуальными правами граждан и публичным интересом, что подчёркивается в научной литературе многими исследователями, включая С. А. Шейфера и В. И. Лазарева.

К участникам проведения освидетельствования относятся лица, которые прямо вовлечены в данное следственное действие и наделены определённым кругом прав и обязанностей в соответствии с законодательством Российской Федерации. Основной субъект, несущий ответственность за организацию и проведение освидетельствования, – это следователь или дознаватель. В их компетенцию входит не только принятие решения о необходимости освидетельствования, но и разработка порядка его реализации, определение задач, постановка целей, а также обеспечение фиксации результатов. Вынесению постановления предшествует анализ материалов дела, собранной доказательной базы, а также всех факторов, указывающих на обоснованность проведения данного действия.

Как справедливо отмечает С. А. Шейфер, основная задача следователя в данном процессе заключается в грамотном управлении всей процедурой сбора доказательств, что требует от него не только глубокого знания норм уголовно-процессуального законодательства, но и способности учитывать психологические особенности поведения участников, вовлечённых в данный процесс [2]. Такой подход позволяет следователю более эффективно проводить освидетельствование, минимизировать возможные психологические барьеры у освидетельствуемого лица и обеспечивать точное соблюдение процессуальной формы, предусмотренной УПК РФ.

Ещё одной важной группой участников освидетельствования выступают понятые, участие которых регламентировано статьёй 170 УПК РФ. В их обязанности входит наблюдение за выполнением следственного действия для обеспечения его объективности и последующего подтверждения точности зафиксированных в протоколе данных. Понятые играют ключевую роль в демонстрации соблюдения процессуальной формы, гарантируя, что действия следователя выполняются в строгом соответствии с законодательными нормами. Согласно части 2 статьи 179 УПК РФ, привлечение понятых является обязательным по общему правилу, хотя в отдельных случаях их участие может быть заменено применением технических средств фиксации, таких как видеозапись. Когда освидетельствование связано с выявлением сложных физических признаков, например телесных повреждений, следов насилия, ожогов или иных следов, указывающих на физическое воздействие, участие врача или другого специалиста становится крайне важным. Специалист оказывает квалифицированную помощь в проведении обследования, что позволяет повысить точность фиксации полученных результатов. Это особенно актуально в случаях, когда требуется детальное и объективное установление конкретных обстоятельств. Кроме того, важно указать, что при освидетельствовании, связанным с обнажением тела, необходимо, чтобы присутствовал следователь одного пола с лицом, либо необходимо привлечь медицинского специалиста.

Как подчёркивает Е. В. Егорова, без участия лица с медицинскими знаниями и соответствующими профессиональными навыками возрастает риск ошибок в оценке состояния освидетельствуемого, что может привести к утрате доказательственного значения результатов [7]. В данном аспекте специалисты не только повышают качество проведённого освидетельствования, но и вносят вклад в эффективное выполнение задач уголовного судопроизводства, поскольку выводы врача имеют процессуальное значение и могут быть включены в материалы дела. Очевидно, что роль специалистов в некоторых случаях оказывается критически важной для успешного расследования, особенно когда от освидетельствования зависит установление ключевых доказательств или подтверждение определённых фактов.

Также обязательным участником освидетельствования является само освидетельствуемое лицо, чьи права и процессуальные гарантии подробно регламентируются положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Будь то подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель, освидетельствуемое лицо обладает правом быть информированным об основаниях и целях проведения данного следственного действия. Данное право представляет собой ключевой элемент соблюдения процессуальной формы и обеспечения законности.

Следственные органы обязаны разъяснить освидетельствуемому лицу, по какому основанию, и с какой целью будет проведено освидетельствование, поскольку такая осведомлённость обеспечивает защиту законных интересов участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем законодатель настаивает на строгом соблюдении принципов уважительного отношения к личности и неприкосновенности освидетельствуемого. Эти положения закреплены в ст. 21 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что достоинство личности охраняется государством, а ничто не может служить основанием для его умаления. Данный конституционный принцип требует от следственных органов максимально тактичного подхода к проведению освидетельствования, исключая излишние ограничения прав личности или создание условий, могущих быть воспринятыми как унижающие достоинство освидетельствуемого.

Таким образом, процессуальные основания, участники и порядок проведения освидетельствования имеют чёткую правовую регламентацию, обеспечивающую законность и достоверность результатов данного следственного действия, что, в свою очередь, делает его ключевым элементом механизма доказывания по уголовным делам.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 31.07.2025) (с изм. И доп., вступ. В силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. -24.12.2001. — № 52. — Ст. 4921.
2. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер.: Норма, 2004. С.57.
3. Даниленко И. А., Россинский С. Б. Следственное освидетельствование: практические и технологические аспекты // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennoe-osvidetelstvovanie-prakticheskie-i-tehnologicheskie-aspekty.
4. Россинский С. Б. Освидетельствование как невербальное следственное действие / С. Б. Россинский // Российская юстиция. 2022. № 12. С. 27.
5. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2008. 704 с.
6. Подопригора, А. А. Осмотр и освидетельствование в уголовном процессе / А. А. Подопригора, М. В. Белокур // Человек. Социум. Общество. 2023. № 12. С. 245.
7. Егорова, Е. В. О сущности осмотра и его месте в системе других следственных действий / Е. В. Егорова // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 12. — С. 1–5.
8. Смирнов, А. В. Следственные действия в российском уголовном процессе: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 021100 — Юриспруденция. / А. В. Смирнов. — 1-е. — Санкт-Петерберг: Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 2004. — 73 с.

Развратные действия в отношении несовершеннолетних, совершенные посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: состояние преступности и профилактика

Оскилко Юлия Вячеславовна, слушатель
Казанский юридический институт МВД России

Настоящая статья посвящена анализу состояния и динамики развратных действий, совершенных в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. На основе статистических данных ГИАЦ МВД России за 2021–2024 годы и исследований российских и зарубежных авторов рассматриваются состояние, динамика роста половой киберпреступности, включая секстинг, сексторцию и кибергруминг. Особое внимание уделяется влиянию интернет-аддикции и современных технологий, таких как дипфейк и теледильдоника, на уязвимость несовершеннолетних. Подчеркивается необходимость совершенствования правовых норм, введения программ полового воспитания и усиления кибербезопасности для защиты детей от сексуальных посягательств в цифровой среде. Предлагаются рекомендации по разработке профилактических мер и дальнейшему изучению психологических последствий киберпреступлений.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, информационно-телекоммуникационная сеть, сеть Интернет, киберпространство, преступления, аддиктивность, развратные действия, сексуальное вымогательство.*

Indecent acts against minors committed through the use of information and telecommunications networks, including the Internet: crime status and prevention

This article analyzes the state and dynamics of indecent acts committed against minors using information and telecommunications networks, including the Internet. Based on statistical data from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021–2024 and research by Russian and foreign authors, the article examines the state and growth dynamics of sexual cybercrime, including sexting, sextortion, and cybergrooming. Particular attention is paid to the impact of Internet addiction and modern technologies, such as deepfake and teledildonics, on the vulnerability of minors. The article emphasizes the need to improve legal norms, introduce sex education programs, and strengthen cybersecurity to protect children from sexual assault in the

digital environment. Recommendations are offered for the development of preventive measures and further study of the psychological consequences of cybercrime.

Keywords: *minors, information and telecommunications network, Internet, cyberspace, crimes, addictiveness, indecent acts, sexual extortion.*

Широкая доступность информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, предоставляет множество возможностей для получения полезной информации в целях самообразования, общения, развлечения, однако имеет и негативные аспекты. Одним из таких аспектов является интернет-аддикция, формирующаяся с раннего возраста и рассматриваемая как значимый фактор риска в исследованиях современных ученых [3, с. 155]. Постоянное пребывание детей и подростков в цифровой среде оказывает влияние на их социализацию, развитие познавательных процессов и навыков общения. Так, в своем исследовании Г. У. Солдатова и Е. И. Рассказова подчеркивают, что высокая интернет-активность приводит к жизни подростков в «смешанной реальности», сочетая физический и цифровой миры [6, с. 93]. Это создает условия, при которых несовершеннолетние сталкиваются с неконтролируемым потоком информации, включая контент, представляющий угрозу для их психического и физического здоровья. Зарубежные ученые, проводившие исследования лиц, страдающих педофилией, говорят о том, что «традиционно маргинализированные в нашем обществе, педофилы, могут получить больше возможностей благодаря Интернету» [9, с. 334]. Интересным представляется употребление данной категорией лиц пассивного залога в отношении Интернета, как будто ответственность лежит на нем как на средстве коммуникации. Исследователи приходят к выводу о том, что человек, скачивающий изображения несовершеннолетних, относит себя к другой категории преступников, не той, которая совершила преступления против ребенка. Подобная эмоциональная дистанцированность — один из пугающих выводов исследования.

Взаимосвязь информационно-телекоммуникационной среды и цифровой преступности способствует появлению новых видов правонарушений, направленных на причинение физического, психического, имущественного вреда, а также ущерба деловой репутации. Согласно данным ГИАЦ МВД России, количество зарегистрированных преступлений в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту — ИКТ) демонстрирует устойчивый рост: так, «в 2021 году зафиксировано 5 450 случаев, в 2022 году — 6 141, в 2023 году — 7 669, а в 2024 году — около 8 674 случаев», что на 13,1 % больше по сравнению с предыдущим годом [7, с. 156]. Генеральная прокуратура РФ сообщает, что в 2023 году и за первые 8 месяцев 2024 года выявлено более 1 000 преступлений, посягающих на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних с использованием ИКТ.

Анализ статистических данных подтверждает, в том числе, устойчивую тенденцию роста половых преступлений против несовершеннолетних с использованием ИКТ, включая развратные действия. Лица с психическими отклонениями нередко используют цифровые технологии для манипуляций и получения доступа к несовершеннолетним. Современные технологии, такие как дипфейк, расширяют спектр преступных методов, позволяя создавать поддельный контент для шантажа или психологического давления.

Одним из способов противодействия данной проблеме является введение в школах программ полового воспитания. Еще в 2003 году Кулаков А. В. подчеркивал необходимость разработки программ, направленных на формирование «половой культуры и этических основ сексуального взаимодействия» [4, с. 138]. Однако в настоящее время такие программы в российских школах практически отсутствуют, что способствует сохранению высокого уровня сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних.

Типичным примером преступного поведения является секстинг — процесс, при котором преступник, войдя в доверие к подростку, получает откровенные фотографии или видео. В своем исследовании авторы приводят пример дела, по которому обвиняемый О. А. Д. (по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ) знакомился с несовершеннолетними через сайты знакомств, переводил общение в переписку сексуального характера, а затем организовывал личные встречи [1, с. 24]. Эти материалы могут использоваться для сексуального вымогательства (сексторции), когда жертву шантажируют угрозами публикации контента, требуя деньги, сексуальные услуги или совершение половых актов перед камерой. Сексторция нередко переходит в кибергруминг — форму сексуального насилия, при которой преступник устанавливает доверительные отношения с ребенком для последующего совращения. Злоумышленники также используют искусственный интеллект для создания фейковых аккаунтов, киберпреследования и психологического насилия.

Поиск жертв осуществляется через чаты, форумы и социальные сети, где преступники поощряют сексуальную активность, собирают персональные данные и вовлекают несовершеннолетних в действия, предусмотренные статьями 132–135 и 163 УК РФ. Развитие технологий виртуальной реальности, таких как теледильдоника[1], пре-

[1] Дипфейк — это метод создания синтетического контента, в частности, изображений, видео и аудио, с использованием искусственного интеллекта и машинного обучения. Этот метод позволяет создавать подделки, которые выглядят очень реалистично, заменяя лица, мимику, жесты и даже голоса в видео или аудиозаписях.

доставляет новые возможности для неправомерного доступа к жертвам. Как отмечают Дремлюга Р. И. и Крипакова А. В., «хакеры могут использовать подобные технологии для воздействия не только на психику, но и на тело жертв» [1, с. 23].

Изучение решений суда показывает, что данные дела имеют места повсеместно, так Останкинский районный суд г. Москвы рассмотрел уголовное дело в отношении гражданина А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 135 УК РФ (развратные действия без применения насилия в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста) и ч. 2 ст. 133 УК РФ (понуждение к половому сношению путем шантажа в отношении несовершеннолетней). Из материалов установлено, что в период с 06.08.2016 по 06.09.2016 А., используя социальную сеть «ДругВокруг» под псевдонимом «ВрутВокруг», вступил в переписку с несовершеннолетней К. (2001 г.р.), зная о ее возрасте (14 лет), который она сообщила в ходе общения. Подсудимый отправил потерпевшей фотографию порнографического характера (изображение обнаженного полового члена), вел циничные разговоры с целью возбуждения интереса к сексуальной жизни и просил прислать фотографии ее обнаженных половых органов, что потерпевшая сделала. Кроме того, А., используя полученные интимные фотографии, шантажировал К., угрожая распространить снимки среди ее родственников, одноклассников и в Интернете, требуя встречи для совершения полового акта.

Данный приговор иллюстрирует типичную схему использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, для совершения преступлений сексуального характера против несовершеннолетних. Социальные сети предоставляют преступникам анонимность и доступ к уязвимым категориям лиц, что требует усиления мер по кибербезопасности и правового просвещения несовершеннолетних. Дело подчеркивает важность фиксации цифровых следов (переписки, медиафайлов) как доказательств, а также необходимость учета возрастных особенностей потерпевших при квалификации преступлений.

Описанные выше действия могут охватываться понятием «половое киберпреступление». Общим для деяний будет объективная сторона, выраженная в использовании информационно-коммуникационных технологий, включая сеть Интернет (социальные сети, мессенджеры, даркнет) для совершения деяний, таких как распространение интимных изображений, онлайн-домогательства, сексторсия. На наш взгляд можно сформулировать следующее понятие:

Половое киберпреступление — это умышленные общественно опасные деяния, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий и посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность, включающие онлайн-груминг, сексторсию, кибersталкинг, распространение интимных изображений без согласия и другие действия, характеризующиеся анонимностью, трансграничностью. Эти преступления требуют четкой уголовно-правовой квалификации, международного сотрудничества и учета социальных и психологических последствий для эффективного противодействия.

Сравнительный анализ зарубежного законодательства показывает, что подобные действия во многих зарубежных странах рассматриваются как тяжкие преступления. Например, статья 227–22 УК Франции устанавливает повышенную ответственность за кибергруминг, статья 227–23 — за распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних, статья 222–33–2–2 — за кибердомогательства, а статья 226–2–1 — за нарушение конфиденциальности. Эти нормы подчеркивают необходимость совершенствования российского законодательства для более эффективного противодействия киберпреступности против несовершеннолетних [10, с. 67].

Статистика ГИАЦ МВД России и Генеральной прокуратуры РФ, демонстрирующая устойчивую тенденцию увеличения числа таких преступлений, включая секстинг, сексторцию и кибергруминг, свидетельствует о необходимости комплексного подхода к их предотвращению. Введение программ полового воспитания в школах, совершенствование законодательства с учетом зарубежного опыта и усиление кибербезопасности являются ключевыми мерами для защиты несовершеннолетних. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение психологических последствий киберпреступлений и разработку эффективных профилактических программ.

В настоящее время основным вектором внимания государства и общества должно являться развитие цифровой гигиены среди несовершеннолетних и членов их семей. Безусловно, что современные дети развиваются имея в свободном доступе мобильные устройства и информационные технологии, поэтому представляется, что для них необходимо вводить и проводить в учебных заведениях уроки цифровой гигиены. Причем данные занятия должны проводиться специалистами с раннего школьного этапа. Зачастую учащиеся младшего дошкольного возраста, обладая сотовым устройством и умея им пользоваться, становятся легкой добычей преступников. План урока должен быть составлен с учетом возрастных особенностей учащихся. Нам представляется, что подобное обучение может быть реализовано в Республике Татарстан на различных внеклассных занятиях, с привлечением молодёжных помощников антитеррористической комиссии РТ (далее — АТК РТ), а для учащихся среднего и старшего звена школ, данные знания могут быть проведены в рамках грантового проекта «Синемология. Под углом» от «Росмолодежь. Гранты». АТК РТ выступает с курсом лекций по многим актуальным направлениям, данная инициатива реализована Академией творческой молодежи при поддержке Министерства по делам молодежи РТ.

«Синемология» была реализована нами в предыдущем году для формирования у молодежи критического мышления, защиты от деструктивного влияния сети, обучению конструктивной работы с возможностями информаци-

онного потока. На примере отрывков из сериала, мы совместно с психологом составили программу, где с учетом возрастных особенностей школьников, довели до несовершеннолетних теоретических блок, а затем закрепили полученные знания наглядно. Преимуществом данного метода является нативное получение информации.

Литература:

1. Букалерова Л. А., Остроушко А. В., Криез О., Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть интернет) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2021. № 1. С. 17–35.
2. В Саратове местному жителю вынесен приговор за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетней // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области. — 2023. — 20 апр. — URL: https://saratov.sledcom.ru/news/item/1792144/ (дата обращения: 01.06.2025).
3. Комлев, Ю. Ю. Интегративная криминология. Девиантологический очерк: учебное пособие / Ю. Ю. Комлев. — Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016. — 223 с.
4. Кулаков, А. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты насильственных действий сексуального характера: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2004. 216 с.
5. Приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 01 февраля 2017 года по уголовному делу № 11602450019000037 в отношении Абдурахманова Г. А. // Архив Останкинского районного суда г. Москвы. — URL: отсутствует (документ не опубликован в открытом доступе; доступен в архиве суда) (дата обращения: 01.06.2025).
6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87–97.
7. Тарабрина, К. С. Криминогенные риски, способствующие совершению сексуального насилия над несовершеннолетними в цифровой среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 154–163.
8. E. Quayle, M. Taylor (2003). Child pornography and the Internet: Perpetuating a cycle of abuse (Deviant Behavior), С. 331–361.
9. Dupont, J. Commentaire du Code pénal: Dispositions relatives aux infractions sexuelles. — Paris: Dalloz, 2023. — 245 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 13 (616) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 08.04.2026. Дата выхода в свет: 15.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.